

Иван Сергеевич Тургенев

Холостяк

Комедия в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Михаиле Иванович Мошкин, коллежский асессор, 50 лет. Живой, хлопотливый, добродушный старик Доверчив и привязчив Сангвинического темперамента

Петр Ильич Вилицкий, коллежский секретарь, 23 лет. Нерешительный, слабый, самолюбивый человек

Родион Карлович Фон Фонк, титулярный советник, 29 лет Холодное, сухое существо. Ограничен, наклонен к педантизму. Соблюдает всевозможные приличия Человек, как говорится, с характером Он, как многие обруселые немцы, слишком чисто и правильно выговаривает каждое слово.

Филипп Егорович Шпундик, помещик, 45 лет. С претензиями на образованность.

Марья Васильевна Белова, сирота, проживающая у Молкина, 19 лет Простая русская девушка

Екатерина Савишна Пряжкина, тетка Марьи Васильевны 48 лет Болтливая, слезливая кумушка В сущности, эгоистка страшная

Алкивиад Мартынович Созомэнос, приятель Фонка, 35 лет. Грек, с крупными чертами лица и низким лбом.

Маланья, кухарка Мошкина, 40 лет. Тупоумная чухонка.

Стратилат, мальчик в услужении у Мошкина, 16 лет, Вообще глупый, но еще более поглупевший от роста.

Митька, слуга Вилицкого, 25 лет. Бойкий слуга, доразвившийся в Петербурге.

Почтальон.

Действие происходит в Петербурге 1-е и 3-е действия на квартире Мошкина, 2-е на квартире Вилицкого, между 1-м и 2-м действиями пять дней; между 2-м и 3-м - неделя.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Театр представляет гостиную не богатого, но и не бедного чиновника. Направо два окна; между окнами зеркало; столик перед зеркалом. Прямо дверь в переднюю, налево дверь в другую комнату. Спереди тоже налево диван, круглый стол и несколько кресел; угол направо отгорожен зелеными ширмами. На диване лежит Стратилат. Стенные часы бьют

два часа.

Стратилат. Раз... два... Два часа. Что это барин нейдет? (Молчит.) Я, кажется, соснул маленько. (Опять молчит.) А мне, никак, опять есть хочется. (Посвистывает, берет со стола и развертывает книгу.) Эка, подумаешь, слов-то, слов-то! Ну-ка это... да длинное же оно какое! (Начинает разбирать по складам.) Покой, арцы, он - про; слово, веде, ять - све - просве; ша, есть, наш - щен - просве... просве... просвещен; наш, ять - иже с краткой ней - просве... просвещенней; ша, иже - ши - про... све... щеннейши; мыслете, иже.

В передней раздается звонок. Стратилат поднимается, но не выпускает книги из рук.

Мыслите, иже - ми - просве... просвещенней...

Опять звонок.

Тьфу ты, черт! Вот тут и выучись читать! (Бросает книгу на стол и бежит отворять.)

Мошкин (входит. У него под мышкой голова сахару; в одной руке бутылка, в другой дамский картон). Спал небойсь!

Стратилат. Никак нет-с.

Мошкин. Да... можно тебе поверить. (Указывая ему шеей и плечом на сахарную голову.) На, возьми. Отнеси Маланье.

Стратилат достает голову. Мошкин идет на авансцену. Стратилат хочет идти.

Марья Васильевна дома?

Стратилат. Никак нет-с.

Мошкин. Куда она пошла, не знаешь? (Ставит картон и бутылку на стол и вынимает из заднего кармана пакет.)

Стратилат. Не зеваю-с. Тетушка за ней заходили-с.

Мошкин. Давно?

Стратилат. С час будет-с.

Мошкин. А Петр Ильич без меня не был?

Стратилат. Никак нет-с.

Мошкин (помолчав немного). Ну, ступай. Да, позови, кстати, Маланью.

Стратилат. Слушаю-с. (Уходит.)

Мошкин (ощупываясь). Кажется, ничего не забыл. Все, кажется, купил. Все. Точно. (Вынимая из кармана завернутую стеклянку.) Вот и одеколон. (Кладет стеклянку на стол.) Который-то час? (Глядит на часы.) Третий в начале. Что ж это Петруша нейдет? (Опять глядит на часы.) В начале третий. (Опуская руку в боковой карман.) Вот и деньги его готовы. (Ходит по комнате.) Захлопотался я совсем. Ну, да и случай-то ведь какой!

Входят Маланья и Стратилат. Мошкин живо обращается к ним.

Ведь сегодня пятница?

Стратилат. Пятница-с.

Мошкин. Ну, конечно. (Маланье.) Что ж обед - будет?

Маланья. Будет-с. Как же-с!

Мошкин. И хороший обед?

Маланья. Хороший. Как же-с!

Мошкин. Смотри, матушка, не опоздай. Все у тебя есть?

Маланья. Как же-с! Все-с.

Мошкин. Ничего тебе не нужно?

Маланья. Ничего-с. К буденику мадеры пожалуйста.

Мошкин (подавая ей со стола бутылку). На, на, на тебе мадеру. Ну, смотри же, Маланья, отличись. У нас сегодня гости обедают.

Маланья. Слушаю-с.

Мошкин. Ну, я тебя не держу; ступай с богом.

Маланья уходит.

Стратилат! Новый фрак мне приготовь и галстук с бантом - слышишь?

Стратилат тоже уходит, Мошкин останавливается.

Да что это я бегаю, словно угорелый? (Садится и утирает лицо платком.) Устал я, нечего сказать!..

Раздается звонок.

Кто бы это? Должно быть, Петруша. (Прислушивается.) Нет, не его голос.

Стратилат (входит). Какой-то господии - вас желают видеть-с.

Мошкин (торопливо). Какой господин?
Стратилат. Не знаю-с. Незнакомый-с.
Мошкин. Незнакомый? Да ты бы спросил у него, кто он такой?
Стратилат. Я и то у них спрашивал-с. Они говорят, что вас самих желают видеть-с.

Мошкин. Странно! Ну, проси.
Стратилат выходит. Мошкин с волнением смотрит на дверь. Входит Ш п у н ь д и к.
к. На нем длинный гороховый сюртук.
Шпундик (подходя к Мошкину). Вы меня не узнаете?
Мошкин. Я? Я, признаюсь, кажется... не имею чести...
Шпундик (с дружелюбным упреком). Миша, Миша! старых приятелей так-то ты забываешь...
Мошкин (вглядываясь). Неужели?... да нет... точно... Филипп?
Шпундик раскрывает объятия. Шпундик!
Шпундик. Я, Миша, я...
Бросятся друг другу на шею.
Мошкин (прерывающимся голосом). Друг... какими судьбами... давно ли? Садись. Вот не ожидал... вот случай...
Они опять обнимаются. Садись, садись.
Оба садятся и глядят друг на друга.
Шпундик. Эге-ге, брат, как мы с тобой постарели!
Мошкин. Да, брат, да. Постарели, брат, постарели. Да ведь легкое ли дело? Что ж, чай, лет двадцать не видались?
Шпундик. Да, двадцать лет будет. Как время-то проходит! Миша, а? Помнишь...
Мошкин (перебивая его). Я, брат, гляжу на тебя и просто глазам не верю.
Шпундик, Филипп, у меня в Питере - а? Добро пожаловать, дружище! Как ты меня сыскал?
Шпундик. Бона! Чиновника разве мудрено сыскать? Я знал, в каком ты министерстве служишь. Кучин, Ардалион, прошлым летом ко мне в деревню заезжал... Ведь ты Ардашу Кучина помнишь?
Мошкин. Какой это Кучин? Ах, да это не тот ли, что на дочери купца Караваява женился - и приданого, помнится, не получил?
Шпундик. Тот, тот самый.
Мошкин. Помню, помню. А он еще жив?
Шпундик. Жив, как же! Ну, вот от него-то я и узнал, где ты служишь... Да!
Лупинус велел тебе кланяться.
Мошкин. Иван Афанасьич?
Шпундик. Какое Иван Афанасьич! Ивана Афанасьича давно на свете нет; сын его, Василий... помнишь, он еще хромой?
Мошкин. Ах, да, да.
Шпундик. Ну, вот он. Он у нас судьей теперь.
Мошкин (качая головой). Скажи пожалуйста! Время-то, время - а? Да, кстати, Бундюков жив?
Шпундик. Жив. Что ему делается? Он в прошлом году старшую дочь за немца-землемера выдал. Как же, как же! Бундюков тебе тоже кланяться велел. Мы все о тебе часто вспоминаем, Миша!
Мошкин. Спасибо, Филипп, спасибо. Да не хочется ли тебе чего-нибудь? Водки, что ли, закусить... Пожалуйста. Трубки не прикажешь ли? Ведь мы с тобой по-старому? (Треплет его по ляжке и отнимает у него картуз.)
Шпундик. Благодарствуй, Миша. Я не курю.
Мошкин. А закусить?
Шпундик. Нет, благодарствуй.

Мошкин. Чай, устал с дороги?

Шпундик. Ну, не могу сказать; почитай, с самой Москвы все спал.

Мошкин. Ведь ты у меня обедаешь?

Шпундик. Изволь.

Мошкин. Ну, вот умница. Так-то, дружище, так-то} Не ожидал, признаюсь, не ожидал. Кстати, ты женат?

Шпундик (со вздохом). Женат. А ты?

Мошкин. Нет, я, брат, того... я не женат. И дети есть?

Шпундик. Как не быть! Пять человек. По их милости я вот и сюда притащился.

Мошкин. А что?

Шпундик. Да нельзя же, брат. Ведь надобно ж их куда-нибудь поместить.

Мошкин. Разумеется, разумеется... А где ты остано-вился?

Шпундик. Представь, близехонько. Трактир "Европу" знаешь?.. вот за Сенной.

Тоже по рекомендации Кучина. Ну, брат, Петербург, скажу, город! Я еще только на Дворцовую площадь успел сходить. Признаюсь... Исакий-то, Исакий-то один чего стоит? Ну, вот и тротуары... достойны удивленья.

Мошкин. Да, да... у тебя еще глаза разбегутся, погоди... А что, Филипп, помнишь, у нас там соседка была...

Шпундик. Татьяна Подольская небойсь?

Мошкин. Да, да, она, она.

Шпундик. Приказала долго жить, Миша... вот уж девятый год.

Мошкин (помолчав немного). Царство ей небесное! Ну, а что, дела твои как идут?

Шпундик. Помаленьку, брат, слава богу; я не жалуюсь. А твои как? С тех пор как ты от нас переселился, чай, в большие чины попасть успел?

Мошкин. Нет, брат, куда нам! Какие тут большие чины! Тоже помаленьку.

Шпундик. Однако ж крестик-то есть?

Мошкин. Ну, крестик-то есть... (Взглядывает на дверь.)

Шпундик. Ты словно ждешь кого-то?

Мошкин. Да, жду. (Потирая руки.) Я, брат, в больших хлопотах теперь.

Шпундик. А что?

Мошкин. Угадай.

Шпундик. Да где же мне...

Мошкин. Нет, угадай, угадай.

Шпундик (глядя ему прямо в глаза). Да ты... послушай, ты уж не жениться ли хочешь? Не женись, Миша, я тебе говорю!

Мошкин (смеясь). Не беспокойся, брат... В мои-то лета! А только ты угадал - у меня и то в доме свадьба.

Шпундик (указывая на стол). То-то я гляжу... Что за покупки такие? Кто ж это у тебя женится?

Мошкин. А вот погоди, я тебе - не теперь, теперь недосуг... а эдак вечерком, что ли, многое кое-что порасскажу. Ты удивишься, братец. Впрочем, в коротких словах можно, пожалуй, и теперь. Вот видишь ли, Филипп, вот это у меня гостиная, а я вот сам тут сплю... (Указывая на ширмы.) В других-то комнатах у меня воспитанница живет, сирота круглая. Ее-то вот я замуж и выдаю.

Шпундик. Воспитанница?

Мошкин. Да; то есть она, впрочем, девица благородная, титулярного советника Белова дочь; с покойницей ее матушкой я незадолго до смерти познакомился - и странный такой случай вышел. Удивительно, право, как это иногда бывает... точно, должно сознаться, судьбы неисповедимы! Надобно тебе сказать, Филипп, что я на этой квартире всего третий год живу; а Машина-то матушка с самой смерти мужа своего две маленькие комнаты здесь в четвертом этаже занимала; а умер он таки давненько. (Со вздохом.) Говорят, перед смертью ноги себе отморозил - посуди, каков удар? Старушка

жила в крайней бедности; пенсия небольшая, кой-кто благотворил - плохие, знаешь, доходы. Вот я, брат, иду раз к себе по лестнице - а дело было зимой - дворник наплескал воды, да и не подтер, вода-то на ступеньках замерзла... (Вынимая табакерку.) Ты табак нюхаешь? Шпундик. Нет, спасибо.

Мошкин (сильно понюхав табаку). Вот иду я... Вдруг мне навстречу старушка, Машина-то мать; я с ней тогда еще знаком не был. Посторониться, что ли, она захотела, или уж такая задача вышла, только вдруг она как поскользнулась, да навзничь, да и переломи себе ногу... Под себя, знаешь, эдак. (Встает, показывает Шпундику, как, и опять садится.) Посуди, брат, в ее лета, каково положение? Я, разумеется, тотчас ее поднял, позвал людей, снес ее в комнату, уложил, побежал за костоправом... Намучилась она, бедняжка - а уж дочь-то, господи боже мой! Вот с тех пор я и начал к ним ходить, да каждый день, каждый день... Полюбил их, ты не поверишь, - словно родных. Целые шесть месяцев вылежала старушка; ну наконец выздоровела, стала на ноги; да вдруг нелегкая ее дерни сходить в баню: опрятность, вишь, одолела; сходила, простудилась, похворала дня четыре, да богу душу и отдала. Похоронили мы ее на последние денежки... (Складывает руки крестом.) Ну, теперь посуди сам, Филипп, каково было положение дочери - а? Нет, скажи, а? Родных - никого. То есть, признаться сказать, есть у нее одна родственница, вдова, Пряжкина Екатерина - по отце тетка ей доводится; да у Пряжкиной у самой гроша нет за душой медного. Правда, в Конотопском уезде жил тогда, да и теперь, чай, не издох, матери ее двоюродный брат, Грач-Пехтерья, помещик, говорят, с достатком человек; я ему тотчас же после смерти старухи Беловой и написал, что, дескать, вот как, вот как; помогите, дескать, войдите; а он мне в ответ: "Всех-де нищих не накормишь; коли вас, мол, так состраданье разобрало, так возьмите ее к себе, а мне не до того". Что ж? Я-то ее и взял к себе. Она сперва долго не соглашалась... да я настоял. Что, я говорю, помилуйте? Что вы? Я старый человек, бездетный; я вас как родную дочь люблю. Куда же вы денетесь, помилуйте? не на улицу же вам идти. Притом же и покойница на смертном одре мне ее поручала... Ну, вот она и согласилась. Вот и живет она с тех пор у меня. А уж что за девушка, Филипп, кабы ты знал! Да ты ее увидишь... Вот посмотри, ты ее с первого взгляда полюбишь...

Шпундик. Верю тебе, Миша, верю... А за кого же ты ее замуж выдаешь?

Мошкин. А тоже за хорошего человека; за отличного молодого человека. И все это устроил твой покорный слуга. Я, брат, должен про себя сказать: я на судьбу жаловаться не могу; я счастлив, ей-богу, счастлив... не по заслугам.

Шпундик. А как его зовут, можно спросить?

Мошкин. Отчего же? конечно, можно. Дело совсем слажено; недели через две, бог даст, и свадьба. Вилицкий, Петр Ильич. Его Вилицким зовут. Он со мной в одном министерстве служит. Прекрасный молодой человек. В двадцать три года коллежский секретарь, на днях титулярный, и на виду.

Он далеко пойдет. Не богат он, точно, да что за беда! Малый с головой, работающий, скромный... Знакомства хорошие имеет. Он сегодня у меня обедает; впрочем, он почти каждый день у меня обедает, - только сегодня он хотел с собой привести одного своего приятеля, молодого тоже человека, но, знаешь, эдакого... (Делает значительные движения.) Состоит при самой особе министра... ну, понимаешь...

Шпундик. Э, э? (Взглянув на себя.) Как же, брат? мне нельзя же так остаться... Позволь, я схожу фрак надену.

Мошкин. Вот вздор какой!

Шпундик (вставая). Ну нет, Миша... на этот счет позволь уж мне... того... распорядиться. Эдак гость твой, пожалуй, подумает бог знает что; это что, скажет, за степная ворона такая?.. Нет, я, брат... я ведь тоже с амбицией, воля твоя.

Мошкин (вставая тоже). Ну, как хочешь... только, смотри, не опоздай.

Шпундик. Духом сбегаю. (Берет картуз.) Так вот, брат, ты с какими людьми водишься... (Пожимая ему руку.) А я на тебя, Миша, надеюсь... насчет сынишки,

знаешь... да и, кроме того, жена моя мне столько комиссий надавала, что беда! Одной помады на десять рублей заказала, и все первого сорта, косметик-бергамот. Помоги, брат; ты, я вижу (указывая на покупки), на все мастер.

Мошкин. С моим удовольствием, душа моя. И сам похлопочу и Петю попрошу. Он у меня такой услужливый; гордости, знаешь, ни малейшей. Только он все как будто хворает с некоторых пор, словно не в духе.

Шпундик. Перед свадьбой-то?

Мошкин. Да и мне что-то нездоровится. Впрочем, это пустяки. Захлопотались мы с ним - вот и все тут. А я все-таки к твоим услугам. Сделай одолжение, брат, без церемоний.

Шпундик (жмет ему руку). Спасибо. Ты, я вижу, не переменялся.

Мошкин. Надеюсь. (Тоже жмет ему руку.) А ведь вот и с Петрушей тоже удивительно как я сошелся!

Шпундик (который собирался идти). А что?

Мошкин. Ну, это я тебе после расскажу. Вообрази себе, ведь и он сирота. Родителей лишился в детстве, дядя-опекун в Петербург его привез, на службу его поместил, и странное такое при этом вышло обстоятельство... Впрочем, я это тебе все после расскажу, а только он полный курс наук в гимназии окончил, именье, впрочем, все потерял; к счастью, я тут подвернулся... Однако я тебя не удерживаю... скоро три часа...

Шпундик. А обед в котором часу?

Мошкин. В четыре, брат, в четыре...

Шпундик. Ну, так я еще успею... В передней раздается звонок.

Уж это не гости ли?

Мошкин (прислушиваясь). Может быть... Да что ж это Маша нейдет?

Шпундик (в волнении, оглядываясь). Как же, брат, это... нельзя ли... того... как-нибудь...

Входит Маша с Пряжкиной, в салопах. Они их не снимают,

Мошкин (увидя их). А! легка на помине!.. Где это вы пропадали?

Пряжкина. Да, батюшка, покупки, покупки все...

Мошкин. Ну, хорошо, хорошо. (Маше.) Маша, рекомендую тебе старого моего приятеля и соседа, Филиппа Егорыча Шпундика.

Шпундик кланяется; Маша приседает; Пряжкина глядит на Шпундика во все глаза.

Он вот только сегодня из деревни приехал, с родины мне весточку привез. Прошу любить и жаловать.

Шпундик (Маше). Вы извините меня, сударыня, если я... в таком, так сказать, дорожном нигляже... Я не мог знать... (Шаркает.)

Мошкин. Вот вздумал извиняться! Экой политичный! (Маше.) А ты сегодня что-то бледна, Маша? или ты устала?

Маша (слабым голосом). Устала.

Мошкин (Пряжкиной). Уж вы слишком много с ней бегаете, Катерина Савишна; право, вы ее замучите... Ну, однако, ступайте... Четвертый час, а вы еще не одеты. Что наш новый гость подумает? А он того и гляди нагрянет... Ступайте.

Пряжкина. Мы не опоздаем, не бойтесь...

Мошкин. Ну, хорошо, хорошо. Да вот возьмите шляпку, одеколон тоже, и прочее тут все...

Отдает ей покупки. Маша и Пряжкина уходят в дверь налгво. Мошкин обращается к Шпундику.

Ну что, Филипп, как тебе моя Маша нравится?

Шпундик. Очень, брат, она мне нравится... Очень, очень.

Мошкин. Ну, я знал... Однако ступай, коли уж тебе так надобно.

Шпундик. Как же, брат, нельзя... Мне и так перед дамами смерть было совестно... Впрочем, я сейчас явлюсь. (Уходит в переднюю.)

Мошкин (кричит ему вслед). Смотри же не замешкайся! (Ходит по комнате.) Экой денек! А я рад Шпундику... Он

хороший человек. (Останавливается.) Что бишь?.. Да; отчего это Маша бледна сегодня? Ну, впрочем, это понятно... Однако что ж я не одеваюсь? Стратилат! А Стратилат!

Стратилат входит. Фрак подай и другой галстук.

Снимает сюртук и шейный платок. Стратилат идет за ширмы, выносит оттуда фрак и другой галстук. Мошкин глядится в зеркало.

Что это у меня лицо словно измято? (Проводит щеткой по голове, начиная с затылка.) Отчего это Петруша не заходил сегодня? Дай галстук. (С помощью Стратилата надевает галстук.) Точно, Петра Ильича сегодня не было?

Стратилат. Никак нет-с. Я уж вам докладывал-с.

Мошкин (с неудовольствием). Я знаю, что ты мне докладывал... Удивительно! Уж он, полно, здоров ли?

Стратилат. Не могу знать-с.

Мошкин (плюет). Тьфу, какой ты! Я не с тобой говорю.

Маланья (вдруг входя из передней). Михаиле Иваныч!

Мошкин (круто оборачиваясь к ней). Чего тебе?

Маланья. Денег на корицу пожалуйста.

Мошкин. На корицу? (Хватаясь за голову.) Да ты меня погубить собираешься, я вижу! Как же ты мне сказывала, что у тебя все, что нужно? (Роемся в жилете.) На тебе четвертак. Только смотри, если обед не будет готов через (смотрит на часы)... через четверть часа... я тебя... ты у меня... Ну, ступай же, ступай. Чего ты ждешь?

Стратилат (вполголоса уходящей Маланье). Ай да куфарка!

Маланья. Ну, ну, фуфыря!

Мошкин. Поди сюда, ты, зубоскал, подай мне фрак.

Надевает фрак; Стратилат обдергивает его сзади.

Ну, хорошо, ступай. Да лампы что ж ты не зажигаешь? Вишь, смеркается.

Стратилат выходит в переднюю.

Что за притча? Не много я, кажется, сегодня ходил... во всяком случае, не больше вчерашнего, а ноги у меня так и подкашиваются. (Садится и глядит на часы.) Четверть четвертого... Что ж это они нейдут? (Оглядывается.) Кажется, все в порядке.

Встает и сметает платком пыль со стола. Звонок.

А! наконец!

Стратилат (входит и докладывает). Петр Ильич Вилицкий и господин Фон (заикается)... Фон Фокин.

Мошкин (шепотом Стратилату). Что это? он велел та" докладывать?

Стратилат (тоже шепотом). Оне-с.

Мошкин (шепотом). А, а! (Громко.) Проси, проси.

Стратилат выходит. Входят Вилицкий и Фонк во фраках.

Вилицкий бледен и как будто смущен; Фонк держит себя необыкновенно важно, строго и чинно.

Вилицкий (Мошкину). Михаиле Иваныч, позвольте вам представить моего приятеля, Родиона Карлыча Фон Фонка.

Фонк чопорно кланяется.

Мошкин (не без смущения). Мне чрезвычайно приятно и лестно... Я столько слышал о ваших отличных качествах... Я очень благодарен Петру Ильичу...

Фонк. Я также с своей стороны весьма рад. (Кланяется.)

Мошкин. О, помилуйте-с!..

Небольшое молчание.

Покорнейше прошу присесть...

Все садятся. Опять воцаряется молчание. Фонк с достоинством оглядывает всю комнату. Мошкин, откашлявшись.

Какая сегодня, можно сказать, приятнейшая погода! Холодно немножко, а впрочем, очень приятно.

Фонк. Да; сегодня холодно.

Мошкин. Та-ак-с. (Вилицкому чрезвычайно мягким голосом.) Что это тебя сегодня не было, Петруша? Здоров ты?

Фонк делает едва заметное движение бровями при слове "тебя".

Вилицкий. Слава богу. А что Марья Васильевна?

Мошкин. Маша здорова... Гм. (Фонку.) Изволили сегодня гулять-с?

Фонк. Да, я прошелся раза два по Невскому.

Мошкин. Весьма приятная прогулка; такое все благовидное общество; ну, песочек тоже по тротуарам... магазины... все это очень удобно. (Помолчав немного.) Можно сказать, Петербург - первейшая столица мира сего.

Фонк. Петербург прекрасный город.

Мошкин (не без робости). Ведь за границей-с... ничего подобного не имеется?

Фонк. Я думаю, ничего.

Мошкин. Вот особенно когда Исакий будет окончен; вот уже тогда точно... преферанс будет значительный-с.

Фонк. Исакиевский собор превосходное здание во всех отношениях.

Мошкин. Я совершенно с вами согласен-с. А позвольте узнать, его высокопревосходительство как в своем здоровье?

Фонк. Слава богу!

Мошкин. Слава богу! (Помолчав опять.) Гм. (С улыбкой.) А вот, Родион... Родион Карлыч... Вы, надеюсь, нам сделаете честь... через две недели вот... его свадьба... (указывая на Вилицкого), удостоите своим присутствием.

Фонк. Мне будет очень лестно...

Мошкин. Помилуйте, напротив, нам... (Помолчав немного.) Вы не поверите, Родион Карлыч, как я счастлив, глядя на них, на обоих... (Неопределенно указывая на Вилицкого и на дверь налево.) Для старика, холостого человека, как я... можете себе представить... какое это... неожиданное...

Фонк. Да-с. Брак, основанный на взаимной склонности и на рассудке (он значительно выговаривает это слово), есть одно из величайших благ человеческой жизни.

Мошкин (с благоговением выслушивая Фонка). Так-с, так-с.

Фонк. И потому я, с своей стороны, вполне одобряю измерения тех молодых людей, которые с обдуманностью (он поднимает брови) исполняют этот... этот священный долг.

Мошкин (еще с большим благоговением). Да-с, да-с; я совершенно с вами согласен-с.

Фонк. Ибо что может быть приятнее семейной жизни? Но обдуманность при выборе супруги - необходима.

Мошкин. Конечно-с, конечно-с. Все, что вы говорите, Родион Карлыч, так справедливо... Признаюсь... вы меня извините... но, по-моему, Петруша должен почесть себя счастливым, что заслужил ваше... благорасположение.

Фонк (слегка жмурясь). Помилуйте!

Мошкин. Нет, уверяю вас, я...

Вилицкий (поспешно перебивая его). Скажите, Ми-хайло Иваныч... я бы желал видеть Марию Васильевну... мне нужно ей сказать слова два...

Мошкин. Она у себя в комнате... должно быть, теперь одевается... Впрочем, ты можешь постучаться.

Вилицкий. А! Я сейчас вернусь. (Фонку.) Вы позволите...

Фонк. Сделайте одолжение.

Вилицкий выходит в дверь налево.

Мошкин (глядит ему вслед, пододвигается к Фонку и берет его за руку). Родион Карлыч, вы извините меня, я человек простой... у меня что на сердце, то и на языке... Позвольте еще раз от души, именно от души поблагодарить вас...

Фонк (с холодной учтивостью). За что же, помилуйте...

Мошкин. Во-первых, за ваше посещение; во-вторых... я вижу, вы любите моего Петрушу... У меня не было детей,

Родион Карлыч... но я не знаю, можно ли к сыну больше привязаться, чем я к нему... Так вот это-то меня и трогает, просто так трогает, что и сказать нельзя... (У него слезы навертываются.) Вы извините меня... (Понизив голос, словно самому себе говорит.) Что это? как не стыдно... (Смеется, достает платок, сморкается и украдкой утирает глаза.)

Фонк. Мне, поверьте, очень приятно видеть такие чувства...

Мошкин (оправившись). Вы извините откровенность старика... но я столько об вас слышался... Петруша отзывается об вас с таким уважением... Он так дорожит вашим мнением... Вы увидите мою Машу, Родион Карлыч: вы увидите... как перед господом богом говорю, она составит его счастье, Родион Карлыч; она истинно прекрасная девушка!

Фонк. Я несколько в этом не сомневаюсь... Одно расположение друга моего, Петра Ильича, уже громко говорит в ее пользу.

Мошкин (опять впадая в благоговение). Так-с, так-с...

Фонк. Я, с своей стороны, Петру Ильичу от души желаю всякого добра. (Помолчав немного.) А позвольте узнать, вы, кажется, в первом департаменте столоначальником служите?

Мошкин. Точно так-с.

Фонк. У кого в отделении, смею спросить?

Мошкин. У Куфнагеля, Адама Андреича.

Фонк (с уважением). А! Отличный чиновник! Я его знаю. Отличный чиновник!

Мошкин. Как же-с, как же-с! (Помолчав.) А позвольте полюбопытствовать ведь уже с полгода будет, как вы с моим Петрушей познакомились?

Фонк. С полгода.

Г-жа Пряжкина выходит из боковой двери, разряженная в пух, с большим бантом желтых лент на чепце, она тихонько подвигается к говорящим, слегка приседая им в спину и перебирая шнурки ридикюля.

Мне в вашем приятеле особенно нравится то, что он, можно сказать, молодой человек с правилами...

Мошкин внимательно слушает.

Это в наше время редко. В нем нет этого ветра... знаете, ветра...

Вертит рукой на воздухе; Мошкин также вертит рукой и одобрительно кивает головой.

А это важно. Я сам также молодой человек...

Михаиле Иваныч делает движение, как бы желая сказать: о, помилуйте!

Я не какой-нибудь Катон... но...

Пряжкина (скромно, но громко кашляя дискантом). Эхем!

Фонк останавливается и оглядывается; Мошкин оглядывается тоже. Пряжкина приседает.

Мошкин (с некоторой досадой). Что вам надобно, Катерина Савишна?

Фонк медленно приподнимается. Мошкин тоже встает. Пряжкина (с смущением). Я-с... я-с... пришла к вам-с... Фонк ей важно кланяется, она приседает ему и умолкает.

Мошкин. Эх, как... (Спохватившись.) Позвольте, Родион Карлыч, представить вам... Пряжкина, Катерина Савишна, штаб-офицерша... Марье Васильевне тетка двоюродная...

Фонк (холодно кланяясь). Я очень рад...

Пряжкина опять приседает.

Мошкин (Пряжкиной). Вам что-нибудь нужно?

Пряжкина. Да-с... Меня Марья Васильевна просила... то есть не то чтоб просила... а только если б вам можно было... на минуточку...

Мошкин (с укоризной). Что там такое?.. Как же теперь?.. (Украдкой указывая ей на Фонка.) Эх!..

Фонк. Прошу вас не церемониться... если вам нужно...

Мошкин. Вы очень добры... Право, я не знаю, зачем это меня зовут... Впрочем, я сию минуту возвращусь...

Фонк (поднимая руку). Помилуйте...

Мошкин. Сейчас, сейчас. (Уходя с Пряжкиной, он ей высказывает свое неудовольствие.)

Фонк (один; глядит им вслед, пожимает плечами, начинает ходить по комнате. Подходит к зеркалу, охорашивается, потом с гадливостью приподнимает щетку, взглядывает на ширмы). Что это такое? Что это? (Расставляя руки.) Куда это меня привели? Что это за смешная женщина, и старик этот тоже, болтает, плачет... и что за фамильярность такая? Мальчик в каком-то мерзком казакине; все нечисто... Постель вот - и квартира наконец, - что это такое? Должно быть, обед будет прескверный, и шампанское скверное... придется пить...

Стратилат входит и прицепляет зажженные лампы к стене. Фонк глядит на него скрестя руки. Стратилат с робостью взглядывает на него и выходит.

Что это? как это можно наконец? Решительно не понимаю... Ослепление какое-то. Впрочем, посмотрим невесту.

Из боковой двери выходит Вилицкий. А! Вилицкий!

Вилицкий. Мне Михайло Иваныч сказал, что вы здесь одни остались... Извините его, пожалуйста... старик совсем захлопотался.

Фонк. Помилуйте, что за беда?

Вилицкий (жмет ему руку). Вы очень добры и снисходительны... Я вас предупредил... Михайло Иваныч отличный человек... Я его могу назвать своим благодетелем... но вы видите сами: он довольно простой...

Вилицкий ждет, чтоб Фонк его прервал; Фонк молчит.

Не правда ли, он...

Фонк. Отчего же?.. нет. Господин Мошкин мне кажется весьма порядочным человеком. Конечно, он, сколько я мог заметить, не получил блестящего образования... Но это вопрос второстепенный. Кстати, я здесь видел одну даму... Она тетка вашей невесты?

Вилицкий (слегка краснея и принужденно улыбаясь). Она... небогатая женщина - впрочем, тоже весьма добрая... и...

Фонк. Я не сомневаюсь. (Помолчав.) Вы с господином Мошкиным давно знакомы?

Вилицкий. Года с три.

Фонк. А в Петербурге он давно на службе?

Вилицкий. Давно.

Фонк. Сколько господину Мошкину лет?

Вилицкий. Лет пятьдесят, я думаю, будет.

Фонк. Долго ж он остается столоначальником! А скоро ли я буду иметь удовольствие увидеть вашу невесту?

Вилицкий. Она сейчас явится.

Фонк. Господин Мошкин мне очень лестно об ней отозвался.

Вилицкий. В этом нет ничего удивительного. Михайло Иваныч в ней души не чаёт... Но в самом деле Маша очень милая, очень добрая девушка... Конечно, она выросла в бедности, в уединении, почти никого не видала... Ну, и робка немного, даже дика... Нет этой развязности, знаете... Но вы, пожалуйста, не судите ее строго, с первого взгляда...

Фонк. Помилуйте, Петр Ильич, я, напротив, уверен...

Вилицкий. Не судите с первого взгляда - вот все, о чем я вас прошу.

Фонк. Вы меня извините... но ваша доверенность... ваша истинно лестная доверенность ко мне... дает мне некоторое право... Впрочем, с другой стороны, я не знаю...

Вилицкий. Говорите, сделайте одолжение, говорите.

Фонк. Ваша невеста... ведь она... не имеет большого со-стояния?

Вилицкий. У ней ничего нет.

Фонк (помолчав). Да. Ну, впрочем, я понимаю... Любовь..

Вилицкий (тоже помолчав). Я ее очень люблю.

Фонк. Да. Ну, в таком случае больше нечего желать, и если этот брак может составить ваше счастье - я вас от души поздравляю. А что, вы сегодня вечером не намерены ли в театр? Рубини поет в "Лучии".

Вилицкий. Сегодня вечером? Нет, не думаю. Я на днях собираюсь, съездить с моей невестой и с Михаилом Иванычем... Но вы как будто еще что-то мне хотели сказать насчет... насчет моей свадьбы...

Фонк. Я? Нет... А скажите, пожалуйста, вашу невесту, кажется, Марьей... Марьей Васильевной зовут?

Вилицкий. Марьей Васильевной.

Фонк. А фамилия как?

Вилицкий. Фамилия... (Глянув в сторону.) Белова... Марья Васильевна Белова.

Фонк (помолчав немного). Да. А кстати, отправляемся мы завтра с вами к барону Видегопф?

Вилицкий. Как же... если вы хотите меня представить...

Фонк. Я с величайшим удовольствием... Однако который час? (Глядит на часы.) Без четверти четыре.

Вилицкий. Пора бы обедать... Да что ж это Михайло Иваныч?

Оглядывается... Из передней входит Шпундик. На нем старомодный черный фрак с крошечной тальей и высоким воротником, белый тесный галстук с пряжкой, весьма короткий полосатый бархатный жилет с перламутровыми пуговицами и светло-гороховые панталоны; в руке у него пуховая шляпа. Увидя двух незнакомых людей, он начинает кланяться, косвенно шаркая вперед правой ногой, приподнимая левую и прижимая обеими руками шляпу к желудку. Он вообще изъясляет большое смущение. Вилицкий и Фонк оба молча ему кланяются.

Фонк (вполголоса Вилицкому). Что это за господин?

Вилицкий (тоже вполголоса). Я, право, не знаю. (Шпундику.) Позвольте узнать... Вам кого угодно?

Шпундик. Шпундик Филипп Егорыч, тамбовский помещик... Впрочем, не извольте беспокоиться. (Вынимает платок и утирает лоб.)

Вилицкий. Мне очень приятно... Вы, может быть, Ми-хайла Иваныча желаете видеть?

Шпундик. Не извольте беспокоиться... Я уже того-с... Я-с... (Краснеет, смеется и боком отходит в сторону направо.)

Фонк (Вилицкому). Что за чудаки?

Вилицкий, Должно быть, знакомый какой-нибудь Ми-хайло Иваныча... Я его, впрочем, никогда здесь не видал... (Громко Шпуньдику.) Михайло Иваныч сейчас явится.

Шпундик делает неопределенный знак рукою, улыбается и отворачивается. Вилицкий обращается почти с умоляющим видом к Фонку.

Родион Карлыч... пожалуйста... вы извините...

Фонк (пожимая ему руку). Полноте, полноте... (Оборачивается.) А! да вот, кажется, и сам господин Мошкин...

Из двери налево выходят Мошкин и Маша. Он ведет ее за руку.

Вслед за ними выступает Пряжкина. Маша вся в белом, с голубой лентой вокруг пояса. Она очень сконфужена.

Мошкин (с торжественностью, сквозь которую проглядывает робость). Маша, честь имею представить тебе господина Фон Фонка.

Фонк кланяется. Маша приседает. Пряжкина приседает сзади ее. Мошкин Фонку, указывая на Машу.

Вот-с, Родион Карлыч, моя Маша...

Фонк (Маше). Мне очень лестно... Я почитаю себя счастливым... Я давно желал иметь удовольствие...

Маша не отвечает ни на одну из его фраз и наклоняет голову.

Вилицкий. Я надеюсь, Марья Васильевна, что вы полюбите моего приятеля...

Маша исподлобья взглядывает на Вилицкого... она видимо робеет. Маленькое молчание.

Мошкин (увидя Шпундика). А, Филипп Егорыч, милости просим. (Берет его за руку и представляет всему обществу.) Шпундик, Филипп Егорыч, мой сосед, тамбовский помещик... Сегодня из деревни приехал... Филипп Егорыч Шпундик... Шпундик, Филипп Егорыч...

Шпундик (раскланивается со всеми и приговаривает). Много благодарен, Михайло Иваныч, много благодарен...

Мошкин (громко ко всему обществу). Милости прошу присесть.

Маша садится на диван.

Родион Карлыч! Сюда не угодно ли? (Указывая на место возле Маши.)

Фонк садится. Филипп Егорыч! (Указывая на кресло напротив.)

Шпундик садится. Катерина Савишна! (Указывает на диван подле Маши.)

Пряжкина садится, сильно сжимая ридикюль руками. Мошкин сам садится на кресло налево.

И ты, Петруша, присядь.

Вилицкий делает знак головою и становится возле Фонка.

Молчание.

Гм. Какая сегодня приятная погода...

Фонк (улыбаясь). Да.

Опять маленькое молчание

(Он обращается к Маше.) Петр Ильич мне сказывал, что вы имеете намерение на днях съездить в оперу.

Маша. Да-с... Петр Ильич... нам предложил... (Голос у нее прерывается.)

Фонк. Я уверен, вы останетесь очень довольны.

Мошкин, Шпундик и Пряжкина слушают его с напряженным вниманием.

Рубини - удивительный артист. Метода необыкновенная... голос... Это удивительно, удивительно! Вы, наверное, любите музыку?

Маша. Да-с... Я очень люблю музыку.

Фонк. Может быть, вы сами играете?

Маша. Очень мало-с.

Мошкин. Как же-с, она играет на фортепианах-с. Ва-риации и прочее все. Как же-с...

Фонк. Это очень приятно. Я тоже немножко играю на скрипке.

Мошкин. И наверное очень хорошо.

Фонк. О нет! Так, больше для собственного удовольствия. Но я всегда удивлялся тем родителям, которые пренебрегают, так сказать, музыкальным воспитанием своих детей. Это, по-моему, непонятно. (Ласково обращаясь к Пряжкиной.) Не правда ли?

Пряжкина от испуга передергивает губами, моргает одним глазом и издает болезненный звук.

Мошкин (поспешно приходя ей на помощь). Совершенную истину изволили сказать-с. Я тоже этому не раз удивлялся. Что за пентюхи, подумаешь, живут на свете!

Шпундик (скромно обращаясь к Мошкину). Я с тобой, Михайло Иваныч, совершенно согласен.

Фонк оборачивается на Шпундика, Шпундик почтительно кашляет в руку

Фонк (продолжая поглядывать на Шпундика). Мне весьма приятно заметить, что у нас, в России, даже в провинции, начинает распространяться охота к искусствам. Это очень хороший признак.

Шпундик (трепетным голосом, ободренный вниманием Фонка). Именно-с, как вы изволите говорить-с. Я вот-с, человек небогатый-с - вот даже можете спросить Михаила Ива-ныча,- я тоже для своих дочерей фортепианы из Москвы вы-писал-с. Одно горе: в наших палестинах учителя сыскать довольно затруднительно.

Фонк. Вы, смею спросить, из южной России?

Шпундик. Точно так-с. Тамбовской губернии, Острогожского уезда.

Фонк. А! Хлебородные места!

Шпундик. Места, конечно, хлебородные, но в последнее время нельзя сказать, чтоб очень были удовлетворительны- для нашего брата-помещика.

Фонк. А что?

Шпундик. Урожаи больно плохи-с... вот уже третий год.

Фонк. А! это нехорошо!

Шпундик. Хорошего точно в ефтом мало-с. Ну, а все-таки по мере сил трудишься... хлопчешь... ибо долг. Конечно, мы люди простые, деревенские; за столицей нам не угнаться, точно, в столице, конечно, все первейшие продукты и прочее... По крайней мере, как говорится, по мере сил стараешься, по мере сил...

Фонк. Это очень похвально.

Шпундик. Долг прежде всего-с. Но неудобства боль-шие-с. Иногда просто не знаешь, как ступить. То, се... беда-с! Просто совсем в тупик приходишь... Воображенье даже вдруг эдак ослабнет. (Он принимает утомленный вид.)

Фонк. Какие же неудобства, например?

Шпундик. А как же-с! Не то плотину вдруг прорвет. Рогатый, с позволенья сказать, скот-с тоже сильно колеет-с. (Со вздохом.) Воля всевышнего, конечно. Должно покоряться.

Фонк. Это неприятно. (Он снова оборачивается к Маше.)

Шпундик. И притом-с... (Заметив, что Фонк от него отвернулся, он конфузится и умолкает.)

Фонк (Маше, которой Вилицкий шептал раза два на ухо во время его разговора с Шпундиком). Вы, вероятно, также любите танцы?..

Маша. Нет-с... не слишком...

Фонк. Неужели? Как это странно! (Вилицкому.) Последний бал в Дворянском собрании был удивительно блестящ; я'думаю, тысячи три было людей.

Мошкин. Скажите! (Обращаясь к Шпундику.) А? Филипп? Вот бы куда тебе съездить. Как ты думаешь, у вас этого не увидишь?

Смеется. Шпундик уныло поднимает глаза.

Фонк (Маше). Но неужели же вы не любите туалета - и вообще удовольствий...
Это так свойственно...

Маша. Как же-с... я люблю-с...

Фонк (улыбаясь в направлении Пряжкиной). Вашим туалетом, вероятно, занимается ваша тетушка? Это не по части господина Мошкина.

Пряжкину опять от испуга пучит.

Маша. Да-с, моя тетушка... как же-с...

Фонк неподвижно смотрит некоторое время на нее Маша опускает глаза.

Вилицкий (подходя сзади к Мошкину, вполголоса). Да что ж обед, Михаиле Иванович? Это ужасно... разговор не клеится...

Мошкин (вставая и почти шепотом Вилицкому, но с необыкновенной энергией). Да что прикажешь делать с этой анафемской кухаркой? Это создание меня в гроб сведет. Поди, Петя, ради бога, скажи ей, что я завтра же ее прогоню, если она не сейчас нам обед подаст.

Вилицкий хочет идти.

Да вели хоть этому дармоеду Стратилатке закуску принести - да на новом подносе; а то ведь он, пожалуй! Ему что! Знай только ножами в передней стучит!

Вилицкий уходит. Мошкин обращается торопливо и с светлым лицом к Фонку.

Так-с, так-с, так-с, я совершенно с вами согласен.

Фонк (не без некоторого удивления взглядывает на Мошкина). Да-с. А скажите, пожалуйста... (Он не знает, что сказать.) Да! господин Куфнагель где живет?

Мошкин. В Большой Подъяческой, в доме Блинникова, на дворе, в третьем этаже-с. Над воротами еще вывеска такая мудреная. Прелюбопытная вывеска: ничего понять нельзя; а ремесло, должно быть, хорошее.

Фонк. А! покорно вас благодарю. Мне нужно с Куфнагелем поговорить. (Смеется.) С ним однажды в моем присутствии случилось престранное происшествие. Вообразите, идем мы однажды по Невскому...

Мошкин. Так-с, так-с...

Фонк. Идем мы по Невскому; вдруг нам навстречу какой-то низенький господин в медвежьей шубе, и вдруг этот господин начинает обнимать Куфнагеля, целует его в самые губы - вообразите! Куфнагель, разумеется, его отталкивает, говорит ему: "С ума вы сошли, что ли, милостивый государь?" А господин в шубе опять его обнимает, спрашивает, давно ли он из Харькова приехал... и все это, вообразите, на улице! Наконец все дело объяснилось: господин в шубе принял Куфнагеля за своего приятеля... Каково, однако, сходство, прошу заметить? (Смеется.)

Все смеются.

Мошкин (с восторгом). Прелюбопытный, прелюбопытный анекдот! Впрочем, такие сходства бывают. Вот и у нас - помнишь, Филипп, двое соседей проживало - братья Полугу-севы - помнишь? Просто друг от друга не отличишь, бывало. Ни дать ни взять, один как другой. Правда, у одного нос был

пошире и на одном глазу бельмо - он же скоро потом спился с круга и оплешивел; а все-таки сходство было удивительное. Не правда ли, Филипп?

Шпундик. Да, сходство точно было большое. (Глубокомысленно.) Впрочем, это, говорят, иногда зависит от разных причин. Наука, конечно, дойти может.

Мошкин (с жаром). И дойдет, непременно дойдет!

Шпундик (с достоинством). С достоверностью, я думаю, этого сказать нельзя; а впрочем, может быть. (Помолчав.) Почему же и нет?

Фонк (Маше). Игра природы в таких случаях очень замечательна.

Маша молчит. Из передней входит Стратилат с закуской на подносе. За ним Вилицкий.

Мошкин (который не садился с тех пор, как встал, суетливо). Не прикажете ли чего закусить перед обедом? (Стра-тилату, указывая на Фонка.) Поди сюда, ты. (Фонку.) Не прикажете ли икорки?

Фонк отказывается.

Нет? Ну, как угодно. Катерина Савишна, милости просим - и ты, Маша.

Пряжкина берет кусок хлеба с икрой и ест, с трудом разевая рот. Маша отказывается.

Филипп, не хочешь ли ты?

Шпундик встает, отводит немного Стратилата в сторону и наливает себе рюмку водки. Вилицкий подходит к Фонку Вдруг из двери передней показывается М а л а н ь я.

Маланья. Михаила Иваныч...

Мошкин (как иступленный бросаясь ей навстречу и упираясь коленкой ей в живот, вполголоса). Куда, медведь, лезешь, куда?

Маланья. Да обед...

Мошкин (выталкивая ее). Хорошо, ступай. (Быстро возвращается.) Никому больше не угодно? Никому?

Все молчат. Мошкин шепчет Стратилату. Поди, поди скорей докладывай: обед готов.

Стратилат выходит. Мошкин обращается к Фонку,

А позвольте узнать, Родион Карлыч, вы ведь в карточки поигрываете?..

Фонк. Да, я играю; но теперь, кажется, мы ведь скоро обедать будем. Притом же я в таком приятном обществе... (Указывая на Машу, Вилицкий слегка сжимает губы)

Мошкин. Конечно, мы сейчас обедать будем. Это я только так... Вот, если угодно, после обеда, по маленькой.

Фонк. Извольте, с удовольствием. (К Маше.) Вот вы, я думаю, к картам совершенно равнодушны?

Маша. Да-с, я не играю в карты...

Фонк. Это понятно. В ваши лета другие мысли в голове... А ваша почтенная тетушка играет'

Маша (немного обращаясь к Пряжкиной). Играет-с.

Фонк (Пряжкиной). В преферанс?

Пряжкина. В свои козыри-с.

Фонк. А! я этой игры не знаю... Но вообще дамы имеют у нас право жаловаться на карты...

Маша (невинно). Почему же?

Фонк. Как почему же? Ваш вопрос меня удивляет.

Вилицкий. В самом деле, Марья Васильевна...

Маша страшно конфузится

Стратилат (выходя из передней, громогласно). Кушанье готово

Мошкин. А, слава богу!

Все встают

Чилости просим, чем бог послал. Маша, дай руку Родиону Карлычу. Петруша, возьми Катерину Савишну. (Шпундику) А мы, брат, с тобой. (Берет его под руку.) Вот так.

Все идут в переднюю Мошкин и Шпундик позади всех.

Вот скоро мы на свадьбу так отправимся, Филипп... Да что ты это нос на квинту повесил?

Шпундик (со вздохом). Ничего, брат, теперь полег -чило... А только, я вижу, в Петербурге - это не то что у нас. Не-ет. Как озадачил меня!..

Мошкин. Э, брат, это все пустяки. Вот постой-ка, мы бутылку шампанского разопьем за здоровье обрученных - вот это лучше будет. Пойдем, дружище!

Уходят,

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Театр представляет довольно бедную комнату молодого холостого чиновника Прямо дверь, направо другая Стол, диван, несколько стульев, книги на полочке, чубуки по углам, комод. Вилицкий сидит, одетый, на стуле и держит на коленях раскрытую книгу.

Вилицкий (помолчав немного). Митька! Митька (выходя из передней). Чего изволите-с? Вилицкий (поглядев на него). Трубку.

Митька идет в угол и набивает трубку

От Родиона Карлыча сегодня записки не приносили'

Митька. Никак нег-с. (Подает Вилицкому трубку и зажигательную спичку.)

Вилицкий (раскуривая трубку). Да! Михаиле Иванович, может быть, сегодня зайдет - так ты... опять ему скажешь, что меня дома нет. Слышишь? Митька. Слушаю-с. (Уходит.)

Вилицкий (некоторое время курит трубку и вдруг встает). Это должно, однако ж, чем-нибудь кончиться! Это невыносимо! это решительно невыносимо! (Ходит по комнате.) Мое поведение, я знаю, непростительно грубо; вот уже пять дней, как я у них не был... с самого того проклятого обеда... но что ж мне делать, боже мой! Я не умею притворяться... Однако это должно чем-нибудь кончиться. Нельзя же мне все прятаться, по целым дням сидеть у знакомых, ночевать у них... Надо на что-нибудь решиться наконец! Что обо мне в департаменте подумают? Это слабость непростительная, просто детство! (Подумав немного) Митька!

Митька (выходя из передней). Чего изволите? Вилицкий. Ведь ты, кажется, сказывал... Михаиле Ива-ныч вчера тоже заходил?

Митька (закидывая руки за спину). Как же-с! они с самого воскресенья каждый день изволили заходить-с.

Вилицкий. А!

Митька. В воскресенье изволили даже в большом беспокойстве прибежать-с, здоров ли, дескать, твой барин - отчего его вчера у нас не было?

Вилицкий. Да, да, ты мне сказывал. Что ж? ты ему отвечал, что я...

Митька. Я им доложил-с, что вас в городе нету-с... Дескать, уехали по делам.

Вилицкий. Ну, а он что?

Митька. Они-с удивлялись, какие это, дескать, такие дела... и отчего это вы вдруг так уехать изволили-с, ни слова им не сказавши. Они, говорят, потом в департаменте спрашивали-с: там не знают, стало, дела не служебные-с. Очень изволили беспокоиться. Спрашивали даже, как вы изволили поехать-с, то есть возок ли с биржи взяли-с, или ямщика наняли, много ли белья с собой изволили забрать-с... Очень беспокоились.

Вилицкий. Что ж ты ему отвечал?

Митька. Я, как вы изволили приказывать-с: "Не знаю, мол, куда барин отправиться изволил, а только поехал он с приятелями: стало быть, за город погулять. С часа на час, мол, ожидаем". Они-с подумали и ушли-с - да вот с тех пор каждый день наведываться изволят. Третьего дня даже два раза. Вчера они часа с полтора у вас в кабинете высидеть изволили: вас все поджидали; записку оставили-с.

Вилицкий. Да, я ее прочел... Ну, послушай: если сегодня Михайло Иваныч придет, ты скажи ему, что я вернулся и опять со двора выехал - но что я у него сегодня непременно буду... Слышишь?... непременно. Ступай, да вицмундир мне приготовь.

Митька (уходя, с улыбкой). Даже дворника расспрашивать изволили-с... Дескать, мол, не знаешь ли, братец, куда Петр Ильич уехал?

Вилицкий. Что же дворник?

Митька. Дворник сказал, что не знает-с, а что, кажется, вы точно не изволите дома ночевать-с.

Вилицкий (помолчав немного). Ну, ступай.

Митька уходит. Вилицкий начинает ходить по комнате.

Что за ребячество! И что за глупая мысль - прятаться? Как будто это возможно!.. Теперь лгать придется, выдумывать.. Старика не обманешь - все наружу выйдет. Эх, как это все скверно, скверно!.. (Останавливается.) И что со мной сделалось такое? Отчего у меня - просто мороз по коже подирает, как только я подумаю, что мне надо наконец к ним съездить?

Ведь я все-таки жених: ведь я на днях женюсь... Притом я Машу люблю... Я... да; я готов на ней жениться. Да и дело слажено... я дал слово... ну, и, наконец, я вовсе не прочь... (Пожимает плечами.) Удивительно! Этого я никак, признаться, не предвидел! (Опять садится.) Но этот обед! этот обед! Век я этого обеда не забуду. И что сделалось с Машей? Ведь она не глупа... разумеется, не глупа. Ну, слова, просто слова не умела сказать! Уж Фонк и так и сяк, и с той стороны, и с другой - всячески. Нет, сидит, как каменная! "Да-с, как же-с, я очень рада"... Я все время за нее краснел. Фонку я теперь в глаза смотреть не могу; ей-богу! Мне все кажется, что он как будто посмеивается. Да и есть чему. Разумеется, он, как человек деликатный, всего своего мнения не выскажет...

Небольшое молчание,

Робка она, дика... в свете никогда не жила... Конечно. От кого ж ей и было заимствовать... это... ну, эти манеры наконец... не от Михаила же Иваныча, в самом деле!.. Притом она так добра, так меня любит... Да и я ее люблю. (С жаром.) Разве я говорю, что ее не люблю?... только вот...

Опять небольшое молчание.

Я с Фонком согласен: воспитание - важная вещь, очень важная вещь. (Берет книгу.) Однако ж надо к ним пойти... Да; я сегодня к ним отправлюсь... (Бросает книгу.) Ах, как это все нехорошо!

Входит Митька. Что тебе?

Митька (подавая ему записку). Письмо-с.

Вилицкий (взглянув на надпись). А! Ну, хорошо; ступай.

Митька выходит. Вилицкий быстро распечатывает письмо.

От Маши! (Читает про себя - и, кончив, опускает руки на колена.) Что за преувеличения такие? К чему это? (Встает и читает вслух.) "Вы меня не любите больше; это для меня теперь ясно". Сколько раз это было писано? "Пожалуйста, не стесняйтесь ничем; мы оба еще свободны. Я уже давно заметила в вас постепенное охлаждение ко мне"... А вот и неправда! "Хотя вы наружно не изменялись... но теперь вам, кажется, тяжело стало притворяться... Да и к чему? Вы, говорят, уехали из Петербурга... Правда ли это? Видно, вы боитесь встречаться со мной. Во всяком случае, я бы желала с вами объясниться... Преданная вам" и прочее. "Когда вы вернетесь, вы найдете это письмо. Придите к нам, не для меня - а для бедного старика, который с ума сходил все эти

дни. Если я ошибаюсь, если я вас напрасно огорчила - извините меня... На ваше последнее посещение... До свидания". (С некоторым смущением.) Ну к чему это, к чему это? Что это такое? Как не стыдно наконец... Вечные недоразумения... Хороша перспектива в будущем! Ну, положим, я точно не прав, не был у них пять дней сряду; но зачем же сейчас выводить такие заключения?... И что за торжественный тон!

(Взглядывает опять на письмо и важно качает головой.) Во всем этом гораздо больше самолюбия, чем любви. Любовь не так выражается. (Помолчав.) Впрочем, я точно к ним пойти должен сегодня же. Я перед Машей виноват, точно. (Ходит по комнате.) Я к ним теперь же заеду, перед департаментом... Оно и кстати. Да, да, решительно поеду... (Останавливается.) Да; только сначала мне ужасно будет неловко... Ну, делать нечего!

В передней раздается стук. Он прислушивается и прячет письмо в карман. Митька входит.

Что такое?

Митька. Господин Фонк пришли-с. Желают вас видеть-с. С ними господин какой-то-с.

Вилицкий (помолчав немного). Проси.

Митька выходит. Входят Фонк и Созомэнос. Вилицкий идет им навстречу.
Как я рад...
Фонк (пожимая ему руку). Петр Ильич, позвольте вас познакомить с одним из моих приятелей...
Вилицкий и Созомэнос кланяются друг другу.
Вы, может быть, слышали... господин Созомэнос...
Вилицкий. Как же... я...
Фонк. Уверен, что вы оба друг друга любите...
Вилицкий. Я не сомневаюсь...
Фонк. Занимается литературой, и с большим успехом.
Вилицкий (с уважением). Ага!
Фонк. Он еще ничего не печатал... но он мне на днях прочел повесть... Прекрасно написанное сочинение! Особенно слог - превосходный!
Вилицкий (Созомэносу). Как заглавие, позвольте узнать?
Созомэнос (отрывисто; он вообще отрывисто говорит). "Благородство судии на берегах Волги".
Вилицкий. А!
Фонк. Много чувства, теплоты; есть даже возвышенные места.
Вилицкий. Мне бы очень было лестно, если б господину Созомэносу угодно было прочесть также мне свою повесть...
Фонк. О, я думаю, он очень будет рад... (Взглядывая на Созомэносу.) Господа авторы от этого редко отказываются.
Смеется; Созомэнос отвечает ему внутренним и хриплым смехом. Вилицкий. Садитесь, господа; да не угодно ли трубок?
Он подает им чубуки и табак. Фонк отказывается. Созомэнос садится, медленно набивает трубку и медленно озирается кругом.
Фонк (Вилицкому, пока Созомэнос набивает трубку). И вообразите, какая странность! Господин Созомэнос до сих пор нисколько не подозревал в себе литературного таланта... а он, как видите, не первой молодости... Сколько вам лет, Алкивиад Мартыныч?
Созомэнос. Тридцать пять. А огоньку нельзя ли?
Вилицкий (подавая ему спички со стола). Вот, вот.
Созомэнос. Спасибо. (Закуривает трубку.)
Фонк (Вилицкому). Притом же он и происхожденья не русского... Впрочем, он в весьма ранних летах покинул свое отечество, состоял в разных должностях, служил большею частью в провинции; приехал, наконец, в Петербург с намерением посвятить себя изучению мыловаренной промышленности - и вдруг начал сочинять... что значит талант!
Вилицкий с участием глядит на Созомэносу.
Я, признаюсь, не слишком большой охотник до современной словесности: нынче как-то странно пишут; притом я, хотя почитаю себя совершенно русским человеком и русский язык признаю, так сказать, за свой родной язык, все же я, подобно Алкивиаду Мартынычу, не русского происхождения и, следовательно, не имею, так сказать, голоса...
Вилицкий. О, помилуйте! Да вы, напротив, вы превосходно владеете русским языком; я даже всегда удивляюсь чистоте, изяществу вашего слога... помилуйте...
Фонк (скромно улыбаясь). Может быть... может быть...
Созомэнос. Первый знаток.
Фонк. Ну, положим. Что бишь я хотел сказать... Да! я точно не большой охотник до современной словесности (садится.)
Вилицкий садится тоже.

но очень люблю хороший русский слог, правильный и выразительный слог. Оттого-то меня так и обрадовала повесть господина Созомэноса... Я поспешил изъявить ему искреннее удовольствие. Впрочем, печатать я ему ее не советую, потому что, к сожалению, в нынешних критиках я очень мало вкуса замечаю.

Созомэнос (вынув трубку изо рта и уткнувшись прямо лицом). Эти все критики просто ничего не смыслят.

Вилицкий. Да; мудрено они что-то пишут. Созомэнос (не переменяя положения). Просто ничего.

Вилицкий (Фонку). Все, что вы мне сказали о господине Созомэносе, сильно возбуждает мое любопытство, и я бы очень желал познакомиться с его произведением...

Созомэнос (все в том же положении и понизив голос). Ничего. (Он опять вкладывает трубку в рот.)

Фонк. Он вам на днях свою повесть принесет. (Вставая и отводя немного Вилицкого в сторону.) Вы видите, он довольно странный человек, что называется, чудак; но это-то мне в нем и нравится. Все настоящие писатели большие чудачки. Признаюсь, я очень рад моему открытию. (С важностью.) *Che le brodeche*. (Фонк выговаривает "Je le protege" на немецкий лад.) Ну, а вы что подделываете, любезный мой Петр Ильич? Как ваши дела?

Вилицкий. Да все так же.

Фонк. Вы эти дни в департамент не ходили?

Вилицкий. Не ходил... (Помолчав.) Вы знаете, почему.

Фонк. Гм. Ну, как же вы намерены теперь?..

Вилицкий. Я вам скажу откровенно, Родион Карлыч... Я сегодня собирался съездить... туда... Фонк. И прекрасно сделаете.

Вилицкий. Вы понимаете, это не может так остаться... Я даже стыжусь... Это, наконец, смешно. Притом я сам не совсем прав... Мне нужно объясниться, и я уверен, все это уладится как нельзя лучше.

Фонк. Конечно.

Вилицкий (оглянувшись). Я признаюсь вам... я бы очень желал поговорить с вами...

Фонк. Так что ж? Что вам мешает теперь?..

Вилицкий. Я бы желал поговорить с вами наедине... Дело довольно щекотливое...

Фонк (понизив голос). Вас, может быть, стесняет присутствие господина Созомэноса... Помилуйте! Посмотрите на него. (Указывает на Созомэноса, который погружен в тупое онемение и лишь изредка выпускает дым изо рта.) Он и не замечает нас. У него воображение не то, что у нас с вами: он, может быть, теперь на Востоке, в Америке, бог знает где. (Берет Вилицкого под руку и начинает с ним ходить по комнате.) Говорите, что вы хотели мне сказать?

Вилицкий (нерешительно). Вот видите ли, я, право, не знаю, с чего начать... Вы такое мне оказываете расположение. Ваши советы всегда так дельны, так умны...

Фонк. Пожалуйста, без комплиментов.

Вилицкий (вполголоса). Помогите мне, ради бога. Я нахожусь, как уже вы могли заметить из наших последних

1 Я ему покровительствую (франц). ...

разговоров, в весьма затруднительном положении... Вы знаете, я женюсь, Родион Карлыч; я собираюсь жениться... Я дал слово - и, как честный человек, намерен свое слово сдержать... Я ни в чем не могу упрекнуть свою невесту; никакой в ней перемены не произошло... Я ее люблю - и между тем... Вы не поверите, одна мысль о близкой моей свадьбе такое на меня производит впечатление, такое... что я иногда самого себя спрашиваю: имею ли я, в теперешнем своем положении, право принять руку моей невесты; не будет ли это наконец с моей стороны обман? Что это такое, скажите? Боязн

ли потерять свою независимость или другое какое чувство?.. Я в большом затруднении, признаюсь.

Фонк. Послушайте, Петр Ильич... Вы позволите мне изложить вам мое мнение с совершенной откровенностью?

Вилицкий. Сделайте одолжение! сделайте одолжение! (Останавливаясь и оглядываясь на Созомэносу.) Но, право... мне совестно перед господином... А! да он, кажется, спит!

Фонк. Неужели?.. В самом деле!

Подходит к Созомэносу, который заснул, свесив голову на грудь, и в продолжение всего следующего разговора только изредка вздрагивает и, как говорится, "удит рыбу".

Ах да, это очень забавно! (Про себя.) Eine allerliebste Geschichte! 1 (Громко.) Это с ним довольно часто случается... Что за чудачки эти господа сочинители! (Нагинаясь к нему.) Спит, как моська! Но мне, право, это очень нравится. Это очень оригинально - а?

Вилицкий. Да-а.

Фонк. Ну, вот, стало быть, вам теперь и нечего беспокоиться. Оба возвращаются на авансцену.

Итак, послушайте, любезный мой Петр Ильич... Вы желаете знать мое мнение насчет вашего брака... не правда ли? Вилицкий кивает головой.

Это вопрос весьма деликатный. Я начну с того... (Останавливается.) Вот видите ли, Петр Ильич, по-моему, человеку, особенно в наше время, невозможно жить без правил. По крайней мере я, с самой моей молодости, предписал себе некоторые, так сказать, законы, от которых никогда и ни в каком случае не отступаю. Одно из моих главных правил следующее: "Человек никогда не должен себя ронять; человек должен чувствовать уважение к самому себе, должен отдавать себе отчет во всех своих поступках". Теперь я перехожу к вам. Вы года два тому назад познакомились с господином Мош

1 Излюбленная история! (нем)

киным, господин Мошкин неоднократно оказывал вам услуги, может быть даже весьма значительные...

Вилицкий. Да, да, я ему многим обязан, многим...

Фонк. Я нисколько в этом не сомневаюсь; я не сомневаюсь также в вашей благодарности... Благородство ваших мыслей мне слишком известно... Но тут представляется вопрос, на который следует обратить внимание. Господин Мошкин, конечно, достойнейший человек; но, скажите сами, любезный мой Петр Ильич, вы и он, принадлежите ли вы одному и тому же обществу?

Вилицкий. Я так же беден, как он; я еще беднее его.

Фонк. Дело не в богатстве, Петр Ильич: я говорю об образованности, о воспитании, об образе жизни вообще... Вы извините мою откровенность...

Вилицкий. Говорите; я вас слушаю.

Фонк. Теперь... теперь насчет вашей невесты. Скажите мне, Петр Ильич, вы ее любите?

Вилицкий. Люблю. (Помолчав немного.) Я ее люблю.

Фонк. Вы в нее влюблены?

Вилицкий молчит.

Вот, видите ли, мой друг, любовь... конечно... против любви говорить нечего: это огонь, это вихрь, это водоворот, что хотите, словом, феномен... с любовью точно трудно справиться. Я, с своей стороны, так думаю, что и тут рассудок не теряет своих прав; но мое частное мнение в этом случае не может служить общим правилом. Если вы так сильно любите вашу невесту, то нам нечего и разговаривать с вами; все наши слова будут, так сказать, совершенно напрасны. Но мне, напротив, кажется, что вы начинаете колебаться, вы в недоумении; вы наконец сомневаетесь в собственных чувствах,- а это

очень важный пункт. Во всяком случае, вы теперь в состоянии, как говорится, принять советы дружбы. (Берет Ви-лицкого за руку.) Послушайте, бросимте холодный взгляд на ваши отношения к Марье Васильевне.

Вилицкий взглядывает на Фонка.

Ваша невеста очень любезная, очень милая девица, бесспорно...

Вилицкий опускает глаза.

Но, вы знаете, самый лучший алмаз требует некоторой отделки.

Вилицкий быстро оглядывается на Созомэносу.

Не беспокойтесь, он спит. Не в том вопрос, Петр Ильич, любите ли вы теперь вашу невесту или нет, а в том, будете ли вы с нею счастливы? У образованного человека есть потреб

ности, которым супруга иногда не сочувствует; его занимают вопросы, которые ей недоступны... Поверьте, Петр Ильич, равенство необходимо в супружестве... то есть, позвольте, я объяснюсь. Я нисколько не допускаю того ложного равенства мужа и жены, о котором толкуют иные сумасброды... Нет, жена должна слепо повиноваться мужу... слепо... Вы понимаете, я говорю о другом равенстве.

Вилицкий. Все это так... и я во всем с вами согласен. Но послушайте, Родион Карлыч, поставьте вы себя тоже на мое место. Как вы хотите, чтоб я теперь от своего слова отступился? Помилуйте! Ведь я своим отказом убью Марию Васильевну... Ведь она, как дитя, отдалась мне в руки. Я ведь, можно сказать, ее вывел на свет; я ее отыскал, я навязался ей!., я теперь должен идти до конца. Как вы хотите, чтоб я сбросил эту ответственность?.. Да вы первый будете меня презирать...

Фонк. Позвольте, позвольте; я не намерен оправдать вас вполне; но на ваши доводы еще можно возразить. По-моему, обязанности бывают двоякого рода: обязанности перед другими и обязанности перед самим собою. Какое вы имеете право вредить себе, портить собственную жизнь? Вы молоды, во цвете лет, как говорится; вы на виду; вам предстоит, может быть, блестящая карьера... Зачем же вы хотите бросить дело, так хорошо начатое вами?

Вилицкий. Отчего же бросить, Родион Карлыч? Разве я не могу продолжать службу и...

Фонк. Конечно, вы можете, женившись, продолжать службу- спора нет; да вот что, Петр Ильич: до всего можно дойти со временем; но кто же не предпочтет кратчайшего пути? Трудлюбие, усердие, аккуратность - все это не остается без награды, точно; блестящие способности также весьма полезны в чиновнике: они обращают на него внимание начальства; но связи, Петр Ильич, связи, хорошие знакомства - чрезвычайно важная вещь в свете. Я вам уже сообщил мое правило насчет избежания близких сношений с людьми низшего круга; из этого правила естественно вытекает другое, а именно: старайтесь как можно более знакомиться с людьми высшими. И это даже не слишком затруднительно. В обществе, Петр Ильич, всегда готовы принять чиновника деятельного, скромного, с образованием; а будучи однажды принят в хорошем обществе, он со временем может заключить выгодную партию, особенно когда он одинок и не имеет никаких неуместных семейных связей.

Вилицкий. Я с вами совершенно согласен, Родион Карлыч; но я не честолюбив; я сам боюсь большого света и готов весь век прожить в домашнем кружку... К тому ж я не признаю в себе никаких блестящих способностей, а усердие в

чиновнике, как вы сами говорите, не остается без награды... Меня другие мысли смущают. Мне все кажется, что на мне лежит нравственная обязанность... Скажу более, я не могу подумать об окончательной размолвке с своей невестой без некоторого ужаса, а между тем и брак меня пугает... так что я совершенно не знаю, на что решиться.

Фонк (с важностью). Я понимаю состояние вашего духа. Оно не так странно, как вы думаете. Это, видите ли, Петр Ильич, это переход; это переходное, так сказать, состояние, кризис. Поймите меня - кризис. Если б вы могли теперь удалиться отсюда,

хоть на месяц, я уверен, вы бы вернулись совершенно другим человеком. И потому призовите на помощь всю силу вашего характера - и решитесь!

Вилицкий (взглядывая на Фонка). Вы думаете? Но Маша, Родион Карлыч, Маша? Совесть меня замучит.

Фонк. Это, конечно, очень неприятно. Я вполне вам сочувствую. Но что делать?

Вилицкий. Я гнусный, гнусный человек!

Фонк (строго). К чему такие слова? Это, позвольте вам заметить, это ребячество... Вы извините меня... Но искреннее участие, которое я в вас принимаю...

Вилицкий жмет ему руку.

Конечно, Марье Васильевне будет сначала очень тяжело; может быть, даже ее горесть не скоро рассеется; но будемте рассуждать хладнокровно. Вы совсем не так виноваты, как вы думаете. А ваша невеста, с своей стороны, вам должна быть даже благодарна... Вы протянули ей, так сказать, руку, вы первый вывели ее из мрака тьмы, вы разбудили ее дремлющие способности, вы, наконец, начали ее образование... Но вы пошли далее. Вы возбудили в ней надежды несбыточные; вы ее обманули, положим, но вы сами обманулись... Ведь вы, повторяю, не притворялись влюбленным, не обманывали ее с намерением?

Вилицкий (с жаром). Никогда, никогда!

Фонк. Так из чего же вы так волнуетесь? Зачем упрекаете себя? Поверьте, мой любезный Петр Ильич, вы до сих пор, кроме добра, ничего не сделали Марье Васильевне...

Вилицкий. Боже мой, боже мой! На что решиться?

Фонк молча глядит на него.

Вы должны презирать меня...

Фонк. Напротив, я об вас сожалею.

Вилицкий. Но уверяю вас, Родион Карлыч, я еще найду в себе довольно силы, чтоб выйти из этого положения... Я вам душевно благодарен за все ваши советы... Я не думаю, чтоб я совершенно был с вами согласен, всех ваших заключений я принять не могу... Я пока еще не вижу никакой необходимости переменить свое решение; но...

Фонк. Я нисколько этого не требовал, Петр Ильич... Обдумайте ваше положение сами...

Вилицкий. Конечно, конечно... Я несказанно благодарен...

Фонк. Мое дело, вы понимаете, здесь постороннее. Вилицкий. Ради бога, Фонк, не говорите этого...

Митька входит из передней.

Кто это? А! ты? Чего тебе надобно?

Митька посмеивается. Что такое?

Митька. Госпожа какая-то вас спрашивают-с.

Вилицкий. Кто?

Митька (опять ухмыляясь). Госпожа-с. Дама-с. Вас одних желают видеть-с.

Вилицкий (с волнением взглядывает на Фонка и опять обращается к Митьке). Зачем же ты не сказал ей, что меня дома нет?

Митька ухмыляется. Где эта дама?

Митька. В передней-с.

Фонк (понижив голос). Да неужели ж вы станете с нами церемониться? Мы с ним (указывая на Созомэносу) уйти можем. (Будит его.) Алкивиад Мартыныч, проснитесь.

Созомэнос мычит. Проснитесь.

Созомэнос открывает глаза.

Как можно эдак спать?

Созомэнос. А я точно, кажется, вздремнул. Фонк. Да, вздремнули. А теперь пойдемте. Пора.

Созомэнос медленно поднимается.

Вилицкий (который все время стоял неподвижно, вдруг, торопливым голосом). Да зачем же, господа, зачем же вы уходите?

Фонк. Как же...

Вилицкий. Может быть, это так, ничего. Это так, кто-нибудь меня спрашивает.

Созомэнос (громко). Мы, пожалуй, можем остаться.

Фонк (Созомэносу). Тссс... Алкивиад Мартыныч, поймите... К ним вот дама пришла...

Созомэнос (хрипло и выпуча глаза). Дама?

В и л и ц к и й. Да это ничего не значит... Я вас уверяю, это так. Это что-нибудь такое... Я не знаю... это ничего.

Созомэнос (так же хрипло). Молодая?

Вилицкий. Я, право, не знаю... Да не хотите ли вы, господа, пройти ко мне в спальню, на минуточку, а то через переднюю, может быть, знаете, неловко... На одну минуту.

Фонк. Как угодно... но, пожалуйста, не церемоньтесь.

Вилицкий. Нет, право, если вам не к спеху, если вы не собирались куда-нибудь, останьтесь, пожалуйста. Мы еще поболтаем.

Фонк. Извольте, с удовольствием. Пойдемте, Алкивиад Мартыныч.

Оба направляются к двери направо.

Созомэнос (на ходу, Фонку). Молодая? а? Фонк (с улыбкой). Я не знаю...

Оба входят в спальню.

Митька (который все стоял, заложи руки за спину и посмеиваясь). Так как-с прикажете-с? Вилицкий. Проси, разумеется.

Митька выходит. Вилицкий запирает дверь направо и возвращается на авансцену. Входит Маша, в шляпке под вуалем, и останавливается, не дойдя до середины комнаты. Вилицкий приближается к ней.

Позвольте узнать, с кем я имею... (Вдруг вскрикивает.) Марья Васильевна!

Маша подходит нетвердыми шагами к дивану, садится и поднимает вуаль. Она очень бледна.

Вы!., здесь, у меня!.. (В течение всей следующей сцены Вилицкий часто взглядывает на дверь спальни и говорит вполголоса.)

Маша (слабо). Вы меня не ожидали, не правда ли?..

Вилицкий. Мог ли я подумать...

Маша. Вы меня не ожидали... Не бойтесь, я скоро уйду... Вы одни?

Вилицкий. Один... но...

Маша. Мне, кажется, я слышала голоса...

Вилицкий. У меня были приятели... они ушли...

Маша. Я тоже сейчас уйду... Давно вы вернулись из-за города?

Вилицкий (с смущением). Марья Васильевна... я...

Маша (взглянув на него). Стало быть, это правда, правда... вы прятались... боже мой! Не беспокойтесь... я не пришла сюда с намерением сделать вам неприятность... (Останавливается.)

Вилицкий. Марья Васильевна, простите меня... Клянусь вам богом, я сегодня собирался к вам.

Маша. Много чести... но я вас не упрекаю... Я пришла только объяснить с вами... Я сегодня написала к вам письмо...

Вилицкий. Успокойтесь, прошу вас... вы так бледны... Здоровы ли вы?

Маша. Я здорова... это ничего... я здорова, более чем нужно. Я пришла...

Вилицкий (садится с ней рядом и перебивает ее). Послушайте, Марья Васильевна, я виноват, кругом виноват пе-ред вами... простите меня. Ну да, точно: я не выезжал из Петербурга... Я избегал встречи с вами. Отчего? спросите вы. Не знаю, ей-богу. Я

иногда... со мною иногда происходят непонятные вещи... глупые мысли мне лезут в голову... я сам на себя тогда не похож... но у вас тотчас рождаются такие подозрения... Вы очень мнительны, Марья Васильевна.

Маша. Я... мнительна, Вилицкий? Пять дней, целых пять дней...

Вилицкий. Ну да, да; виноват я, виноват; простите меня, будьте снисходительны...

Маша. Не сказавши ни одного слова... (Она готова заплакать.)

Вилицкий. Ради бога, успокойтесь. Это все пройдет. Все устроится к лучшему... вы увидите.

Маша. Нет, Вилицкий, это не пройдет. Одна любовь ваша прошла. Могла ли я думать, что за две недели до свадьбы... Да какая свадьба! Как будто я могу верить...

Вилицкий. Послушайте, Марья Васильевна, вам точно нужно с вами переговорить; нам нужно серьезно объясниться... разумеется, не здесь и не теперь. Надобно прекратить все эти недоразумения...

Маша. Прекратить? Они прекращены. Как будто я не чувствую, что вы меня больше не любите, что я вам наскучила, что я вам в тягость? Я это очень хорошо чувствую, Петр Ильич. Конечно, я вас не стою: я не получила такого воспитания... Но вы же сами, вы первый... вспомните, разве я напрашивалась на вашу дружбу? Я и теперь вас об одном прошу: не мучьте меня; скажите, что вы меня разлюбили, что между нами все кончено... и я по крайней мере не буду больше в неизвестности.

Вилицкий (с тоской). Да почему вы думаете...

Маша. Почему? Еще бы я не заметила вашей холодности! Для этого не нужно учености. Бывало, вы не отходили от меня, приносили мне книжки, читали со мной... вы меня иногда... звали Машей... (Понизив голос.) Вы... даже... переставали говорить мне "вы", а теперь... Могла ли я не заметить этой перемены, скажите сами?.. Что мне в том, что вы мой жених, подарки мне привозите?.. Ах, Вилицкий, вы меня не любите больше, вы меня не любите...

Вилицкий. Маша, как вы можете это говорить? Конечно, я перед вами виноват; но, повторяю вам, это все объяснится. Нам надобно только переговорить с вами, немножко переговорить. Я честный человек, Маша, вы это знаете; я никогда вас не обманывал... вы мне только напрасно раздираете сердце... Ну да; я виноват... простите же меня...

Маша (потупив голову). Вы меня не любите, вы меня не любите...

Вилицкий. Опять! Это с вашей стороны, право, жестоко. Вы очень хорошо знаете, что я вас люблю. Взгляните на меня; неужели же вы не чувствуете?.. Успокойтесь, пожалуйста, и вернитесь домой... а сегодня вечером...

Маша. Как, вам хочется, чтоб я ушла поскорей!

Вилицкий. К чему это, Маша? Что за охота и себя мучить и меня? Впрочем, я не имею права упрекать вас: я виноват перед вами и молчу. Но, право, послушайте меня...

Маша (не поднимая головы). Чем могла я заслужить вашу холодность, Вилицкий, скажите?.. (Понемногу начинает плакать.) Конечно, я не получила такого воспитания... Ваш приятель, должно быть, надо мной много смеялся... бог знает что он обо мне вам наговорил... Я ведь знаю, вы его приводили для того, чтобы мне икзамен сделать...

При слове "икзамен" Вилицкого слегка коробит.

Но по крайней мере я... (Плачет.)

Вилицкий (умоляющим голосом). Перестаньте, пожалуйста, перестаньте... Ведь это ничему не поможет... Вы только напрасно себя убиваете... как это можно!.. Перестаньте.

Маша (сквозь слезы). Вы меня не любите!

Вилицкий. А вы еще говорили, что хотите со мной объясниться... Вы теперь не в состоянии ничего выслушать... Как же мы будем жить с вами потом, если теперь, до свадьбы, вы уже так?..

Маша всхлипывает.

Маша, ради бога... твои слезы мне всю душу мутят... ради бога, успокойся,- ты увидишь, все объяснится, все, поверь мне... Мы должны помогать друг другу; нам обоим еще не такие затруднения предстоят в будущем.

Маша (рыдая). Вы меня не любите!..

Вилицкий (с легкой досадой). Полноте же, полноте, ради бога... Неужели же вы потеряли всякую доверенность ко мне? Ну, я виноват; прости меня; смотри - я на колени стал перед тобой... (Он становится на колени.)

Маша (сквозь слезы). Не надо, не надо...

Вилицкий (несколько резко). Если вы меня любите - ради бога, перестаньте... Вы и не подозреваете, в какое вы меня ставите нелепое положение... (Почти шепотом.) Ради бога, Маша, уйди... Сегодня вечером я непременно, непременно приду...

Маша все плачет.

Перестаньте же, ради бога!..

Маша (сквозь слезы). Прощайте навсегда, Петр Ильич... (Она начинает громко рыдать.)

Вилицкий (вскакивая). О, это слишком! Маша... Маша...

Она все рыдает. Маша!

Она рыдает.

(С досадой.) Да перестаньте же наконец.. Нас могут услышать...

Маша (отнимая вдруг платок от лица). Как?

Вилицкий (с смущением и досадой указывая на дверь спальни). Там... у меня приятель.

Маша (выпрямляясь). И вы мне это не сейчас сказали?.. О! вы меня презираете! (Бежит вон.)

Вилицкий (устремляясь вслед за ней). Маша... погодите же, Маша... (Он стоит некоторое время неподвижно, схватывает себя молча за голову; потом, опомнившись, идет к двери спальни, отворяет ее - и говорит с смущением и принужденно улыбаясь.) Господа, пожалуйста! теперь можно.

Фонк и Созомэнос входят. Фонк спокоен и равнодушен, как будто ничего не слышал... Созомэнос красен и пучится от сдержанного смеха.

Пожалуйста...

Фонк. Ваша посетительница ушла?

Вилицкий. Да... (Он украдкой поглядывает на обоих, как бы желая узнать, слышали ли они что-нибудь.) Она ушла. Вы меня извините... Я вас, может быть, задержал...

Фонк. Нисколько, послушайте... (Делает знаки Созомэ-носу, который готов лопнуть со смеха.) Нисколько. А что, вы сами сегодня не выйдете со двора? Прекрасная погода.

Вилицкий. Да; я в департамент пойду...

Фонк продолжает делать знаки Созомэносу.

А где вы сегодня вечером?

Фонк. Я сегодня собирался...

Созомэнос вдруг прыскает со смеха.

Вилицкий (помолчав немного и потупившись). Я вижу, господа, вы все слышали...

Созомэнос (сквозь хохот). Еще бы, еще бы... Фонк (строго Созомэносу). Алкивиад Мартыныч, позвольте вам заметить, ваш смех весьма неуместен...

Созомэнос давится, но продолжает смеяться. Фонк берет Вилицкого под руку и отводит в сторону.

Петр Ильич, пожалуйста, не сердитесь на него... Все эти сочинители сумасшедшие, и, по-настоящему, их в порядочные дома впускать нельзя: они понятия не имеют о приличии. Не будьте в претензии на меня, Петр Ильич... Сделайте одолжение...

В и л и ц к и и (горько). Помилуйте, я нисколько не сержусь и не в претензии. Господин Созомэнос совершенно прав. Такая нелепая сцена... Я и не думаю сердиться... Помилуйте!

Созомэнос садится, охает, отдыхает и утирает слезы

Фонк (обращаясь к Созомэносу). Перестаньте же наконец, Алкивиад Мартыныч... (Вилицкому, пожимая ему руку.) Вы можете быть уверены, что никто не узнает...

Вилицкий. Помилуйте, напротив; отчего же? Это пре-забавный анекдот.

Фонк (с упреком). Петр Ильич...

Вилицкий. Нет, право...

Фонк. Ну, хорошо, хорошо. Впрочем, во всем этом происшествии ничего нет удивительного. Вы сами виноваты, позвольте вам сказать... Ваше отсутствие... Я нахожу все это весьма естественным... Оно даже с некоторой стороны похвально...

Вилицкий (язвительно). Вы находите?

Фонк. Конечно. Во всем этом видна большая привязанность...

Вилицкий. О, без сомнения!

Фонк (помолчав). Вот вам и живой, так сказать, комментарий на мои слова... А, впрочем, будемте говорить о другом...

Вилицкий (все так же горько). Да... будемте говорить о другом... О чем бишь будем мы говорить?

Фонк (обращаясь к Созомэносу). Ну, успокоились вы наконец?

Созомэнос кивает головой.

Смотрите не засните теперь опять.

Созомэнос. Будто я все сплю?

Фонк. Вы бы лучше нам несколько стихов прочитали .. Я уверен, что вы пишете стихи...

Созомэнос. До сих пор не писал, а, пожалуй, попробую.

Фонк. Попробуйте, я вам советую. (Обращаясь к Вилицкому.) Ах да, кстати, слышали вы наконец Рубини?

Вилицкий. Нет, я все собирался съездить в театр с моей невестой. (Горько усмежается.) Не знаю, когда удастся.

Фонк. Я третьего дня опять слышал его в "Лучии"... Он до слез меня тронул.

Вилицкий (сквозь зубы). До слез, до слез...

Фонк. Знаете ли что, Вилицкий? Вы очень строгий и взыскательный человек.

Вилицкий. Я?

Фонк. Да, вы.

Вилицкий (горько). Например?

Голос Митьки (в передней). Да нету их дома-с... нету-с. Выехать изволили.

Вилицкий умолкает и слушает. Фонк тоже.

Голос Мошкина. В таком случае я хочу записку ему оставить.

Голос Митьки. Оне приказали вам сказать, что сегодня к вам заедут-с... а записку вы можете и здесь написать-с.

Фонк (обращаясь к Вилицкому). Что такое?

Вилицкий не отвечает.

Голос Мошкина. Да отчего ты не хочешь, меня впустить?

Голос Митьки. Нельзя-с. Дверь заперта-с. Они ключ изволили унести.

Голос Мошкина. А ты хотел в комнату за чернильницей сходить?

Голос Митьки. Да нельзя. Ей-богу, нельзя-с.

Голос Мошкина. Митя, ведь барин твой дома... Я ведь знаю. Пусти.

Голос Митьки. Никак нет-с.

Голос Мошкина. Полно, Митя, пусти. Твой барин не выезжал. Я в овощной лавке спрашивал и у дворника. (Возвышая голос.) Петруша, Петруша, прикажи меня впустить. Я знаю, ты дома.

Вилицкий (не смея взглянуть на Фонка и на Созомэ-носа, которого опять начинает смех разбирать, идет к двери передней). Войдите, войдите, Михаиле Иванович, сделайте одолжение... Ты с ума сошел, что ли, Митька?

Входят Мошкин и Мигька. Мошкин чрезвычайно взволнован При виде Фонка и Созомэноса он начинает раскланиваться на все стороны Вилицкий с смущением пожимает ему руку.

Здравствуйте, Михаиле Иваныч, здравствуйте. Извините, пожалуйста... такое вышло недоразумение... (Митьке, который собирается говорить.) Ступай, ты.

Митка. Да вы же сами-с... Вилицкий. Ступай, говорят.

Митька выходит.

Мошкин. О, помилуй! что за беда! Напротив, ты меня извини... я, может быть, помешал...

Опять кланяется Фонку и Созомэносу, которые ему отвечают. Созомэнос встает со стула. Мошкин подходит к Фонку.

Родиону Карловичу мое нижайшее... Я сначала не узнал было вас... Знаете, эдак, солнце... (Вертит рукой на воздухе.) Как ваше здоровье?

Фонк. Слава богу; как ваше?

Мошкин. Помаленьку-с, покорнейше благодарю-с. (Еще раз кланяется Фонку и улыбается.) Приятнейшая сегодня по-года-с. (Он в видимом смущении.)

Тягостное молчание.

Фонк (Вилицкому). До свидания, Петр Ильич. (Берется за шляпу.) Мы, вероятно, сегодня увидимся.

Мошкин (Фонку). Я, надеюсь, не помешал... Сделайте одолжение, если что-нибудь нужно, я могу и после зайти... Я вот только желал взглянуть на Петра Ильича...

Фонк. О, нет-с... Мы и без того собирались уйти... Алки-виад Мартыныч, пойдемте...

Вилицкий (в смущении). Так вы уходите?..

Фонк. Да... но мы увидимся... Где вы обедаете?

Вилицкий. Я не знаю... а что?

Фонк. Если вас где-нибудь не задержат, приходите ко мне... часу в пятом... А впрочем, прощайте. (Мошкину.) Честь имею вам кланяться.

Мошкин кланяется.

Вилицкий. Прощайте, Родион Карлыч... Алкивиад Мартыныч... Где вы живете?

Созомэнос. В Гороховой, в доме купчихи Жмухиной. Вилицкий. Я буду иметь удовольствие...

Провожает их до передней. Они уходят; Вилицкий возвращается. Мошкин стоит неподвижно и не глядит на него. Вилицкий нерешительно к нему подходит.

Я очень рад вас видеть, Михаиле Иваныч.

Мошкин. И я... и я... тоже очень рад... Петруша, конечно... Я... того... я... (Умолкает.)

Вилицкий. Я собирался сегодня к вам, Михайло Иваныч... мне и так скоро нужно будет выйти... Да что ж вы не садитесь?

Мошкин (все в том же положении). Спасибо... все равно... Ну, как твое путешествие за город?.. Ты здоров?

Вилицкий (поспешно). Хорошо, хорошо... слава богу... Который-то час?

Мошкин. Должно быть, второй.

Вилицкий. Второй уже?

Мошкин (быстро оборачиваясь к Вилицкому). Петруша... Петруша, что с тобой?

Вилицкий. Со мной... Михайло Иваныч?.. Ничего...

Мошкин (подходя к нему). За что ты на нас сердисься, Петруша?

Вилицкий (не глядя на него). Я?..

Мошкин. Ведь я все знаю, Петруша; ведь ты из города не выезжал. Целых пять дней тебя у нас не было... Ты от меня прятался... Петруша, что с тобой, скажи? Или кто-нибудь из наших тебя обидел?

Вилицкий. Помилуйте... напротив...

Мошкин. Так отчего ж вдруг такая перемена?

Вилицкий. Я вам это... потом все объясню, Михайло Иваныч...

Мошкин. Мы люди простые, Петруша; но мы тебя любим от всей души; извини нас, коли мы в чем перед тобой провинились. Мы все это время не знали, что и придумать, Петруша; духом пали вовсе, измучились. Вообрази сам, каково было наше положение! Знакомые спрашивают: а где же Петр Ильич? Я хочу сказать: отлучился, мол, из города, на короткое время - а язык не слушается... что будешь делать? Перед свадьбой - вообрази. А Маша-то бедная! О себе я уж и не говорю. Ведь Маша... представь: ведь она твоя невеста. Ведь у ней, у бедняжки, кроме тебя да меня, никого на свете нет. И хоть бы какая была причина, а то вдруг - словно ножом в сердце пырнул.

Вилицкий. Право, Михайло Иваныч...

Мошкин. Ведь я знаю, Петруша, она у тебя сейчас была...

Вилицкий слегка вздрагивает.

Сегодня поутру она вдруг надевает шляпку; я спрашиваю - куда? А она мне, словно полоумная: пустите, говорит, за покупками. (Уныло.) Ну, какие уж тут покупки, Петруша, сам посудите! Я ничего; отпустил ее - да за ней... Глядь, а она по улице бежит-бежит, сердечная, да прямо сюда... Я за угол, знаешь, вот где штофная... Смотрю, эдак через четверть часика, выходит она от тебя, моя сиротка, лица на сердечной нет; села, голубушка, на извозчика, опустила эдак голову да как заплачет... (Останавливается и утирает глаза.) Жалости подобно, Петруша, право!

Вилицкий (с волнением). Я виноват, Михайло Иваныч, точно виноват и перед ней и перед вами... Простите меня.

Мошкин (со вздохом). Ах, Петруша, Петруша! не ждал я этого от тебя!

Вилицкий. Простите меня, Михайло Иваныч... Я вам расскажу... Вы увидите - все это уладится. Это так. Я сегодня же буду у вас и сам все объясню. Простите меня.

Мошкин. Ну, вот и прекрасно, Петруша; ну, и слава богу. Я знал, что ты не в состоянии нас огорчить умышленно... Дай же мне обнять тебя, душа моя! ведь я целых пять дней тебя не видал... (Обнимает его.)

Вилицкий (поспешно). Послушайте... Вы не подумайте, чтоб я сказал что-нибудь Марье Васильевне неприятное... Напротив, я ее всячески старался успокоить... Но она была в таком волнении...

Мошкин. Верю тебе, Петруша... только ты вообрази себя на ее месте... Петруша, ведь ты нас не разлюбил?

Вилицкий. Помилуйте, как вы можете думать...

Мошкин. И ее тоже не разлюбил? Она так тебя любит. Петруша... Она умрет, если ты ее бросишь.

Вилицкий. Зачем вы это говорите, Михайло Иваныч?..

Мошкин. Ты представь, ведь она твоя невеста... ведь уж и свадьба назначена... с твоего же согласия...

Вилицкий. Да разве кто свадьбу отменяет? помилуйте!.. Я ведь люблю Марью Васильевну...

Мошкин. Ну, и слава богу! Ну, и слава богу! Ну, стало быть, это все ничего. Что-нибудь тебе так не показалось... Но вперед, Петруша, пожалуйста, лучше скажи, лучше просто выбрани; а этак пять дней...

Вилицкий. Не напоминайте мне, пожалуйста, об этом... Мне и так совестно... Вперед этого уже больше не будет - поверьте мне.

Мошкин. Ну, конечно, Петруша, конечно... Кто прошлое помянет, тому, ты знаешь...

Вилицкий (не глядя на Мошкина). А я только точно Марье Васильевне говорил и теперь вам повторяю, что мне нужно будет иметь с ней небольшое объяснение... знаете, для того, чтоб подобные недоразумения вперед уже не повторялись...

Мошкин. Да какие это недоразумения? И что такое значит "недоразумение"? Я вовсе не понимаю.

Вилицкий. Мне надобно с Марьей Васильевной объясниться.

Мошкин. Да кто ж против этого спорить станет? Это твое право. Ведь она тебе жена - а ты ей есть муж и наставник; от кого ж ей выслушивать наставления, правила, так сказать, на пути жизни - как не от тебя? Ведь век вместе прожить - не поле перейти; надо правду друг другу говорить. Ты уж без того много об ней заботился, об ее воспитании то есть, потому что она сирота, а я человек неученый. Это твое право, Петруша.

Вилицкий. Вы меня не совсем понимаете, Михайло Иваныч... а, впрочем, это все объяснится, вы увидите, в весьма скором времени - и все пойдет хорошо. (Взглянув на него.) А вы даже в лице изменились, бедный мой Михайло Иваныч... Как я виноват, как непростительно виноват перед вами!

Мошкин. Бона! Три года сряду ты меня радовал и утешал... раз как-то опечалил, велика важность! Стоит говорить! А что касается до объяснения - я на тебя полагаюсь, ты ведь у меня умен... ты все к лучшему устроишь. Только, пожалуйста, будь снисходителен. Машу, ты сам знаешь, запугать ничего не стоит. А что она застенчива и сиротлива - ты на это не смотри; она не ком-эль-фонг, положим; да не в этом счастье жизни заключается, Петруша, поверь мне; а в нравственности, в любви, в доброте сердечной. У тебя, конечно, друзья ученые - ну, и разговор, конечно, эдакой все отвлеченный... а мы... мы только любить тебя умеем от всего сердца... В этом, Петруша, с нами уж никто не поспорит...

Вилицкий (пожимая ему руку). Добрый, добрый Михайло Иваныч... Чем я заслужил такое расположение?

Мошкин улыбается и махает рукой.

Право, не знаю, чем.

Небольшое молчание.

Мошкин. Посмотри-ка мне в лицо... Ну вот, это Петруша мой опять...

Вилицкий. Как вы добры, как вы добры!..

Опять небольшое молчание.

Какая досада! мне пора в департамент.

Мошкин. В департамент? Что ж! Я тебя не удерживаю... А когда ж ты к нам, Петруша?

Вилицкий. Сегодня вечером, Михайло Иваныч, непременно. Мошкин. Ну, хорошо. А что бы... Петруша... теперь...

Вилицкий. Теперь, Михайло Иваныч, мне, право, нельзя. Митька!

Мошкин. Ну, как знаешь! А уж как бы Маша-то была рада!..

Митька (входя). Чего изволите-с?

Вилицкий. Форменный фрак.

Митька. Слушаю-с. (Выходит.)

Мошкин. Вдруг после всех этих слез и тревог... вообрази. А? Петруша?

Вилицкий. Право, Михайло Иваныч... Сегодня вечером я непременно, непременно...

Мошкин (со вздохом). Ну, хорошо.

Вилицкий. Ведь я все это время в департаменте даже не был... Вообразите вы себе... ведь это наконец заметить могут.

Мошкин. Ну на минуточку... перед департаментом.

Вилицкий. Мне и то мочи нет как будет совестно... Вы, пожалуйста, эдак приготовьте Марью Васильевну... Скажите ей, чтоб она меня простила...

Мошкин. Вот еще, что выдумал! Нужны приготовления- как же! Просто приведу тебя, скажу: вот он, наш беглец... а она тебе на шею бросится - вот и приготовления все...

Митька входит с фраком.

Надень-ка фрак,- да поедем.

Вилицкий. Ну, извольте, только на минуту... (Надевает фрак.)

Мошкин. Да уж увидим там... (Митьке, подающему фрак.) А! бесстыжие глаза! Ведь, вишь, какой!

Митька ухмыляется.

А впрочем, я хвалю, слуга должен барскую волю соблюдать. Ну, Петруша, спасибо тебе, воскресил ты всех нас... Едем!

Вилицкий. Едем. (Уходя, Митьке.) Если господин Фонк опять зайдет, скажи ему, что я у него сегодня буду...

Мошкин. Ну, это мы все там увидим... Надевай шляпу пойдём.

Оба уходят.

Митька (остается, глядит им вслед и медленно идет на авансцену). Бесстыжие глаза! Ну, кто их разберет! Ведь приказывали не пускать... А вот я лучше сосну маленько, так оно и того... (Заваливается на диван.) Ведь вот что бы новый диван купить; а то у этого пружины больше не действуют. Да куда! ему не до того! Уж эти мне ферлакуры!.. А впрочем, господь с ними!.. Это все ведь... Э-это... (Глядя на свои высоко поднятые ноги.) Хорошо шьет бестия Капитон! (Засыпает.)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Та же декорация, как в первом действии Мошкин в архалуке, озабоченный и опечаленный, стоит у двери налево и прислушивается. Через несколько мгновений на пороге показывается Пряжкаина.

Мошкин (почти шепотом). Ну, что? Пряжкаина (так же). Заснула. Мошкин. И жара нет? Пряжкаина. Теперь нет. Мошкин. Слава богу!

Молчание.

А знаете ли что, Катерина Савишна, все-таки не отходите от нее... что-нибудь, знаете, понадобится, неравно.

Пряжкаина. Как же, батюшка, как же!.. Прикажите только самоварчик мне поставить...

Мошкин. Прикажу, матушка, прикажу.

Пряжкаина уходит. Мошкин медленно идет на авансцену, садится, глядит несколько времени неподвижно на пол, проводит рукой по лицу и кличет.

Стратилат!

Стратилат (выходя из передней). Чего-с? Мошкин. Самовар для Катерины Савишны поставь. Стратилат. Слушаю-с. (Хочет идти.) Мошкин (нерешительно). Никто не приходил? Стратилат. Никак нет-с. Мошкин. И ничего... эдак, не приносили? Стратилат. Ничего-с. Мошкин (вздыхнув). Ну, ступай.

Стратилат уходит. Мошкин оглядывается, хочет встать и опять опускается в кресло.

Боже мой, боже мой, что ж это такое? Вдруг опять, опять все рухнуло... Теперь уж дело-то ясно... (Опускает голову.) Какое средство, какое средство, наконец... (Помолчав немного.) Никакого нет средства. Это все... (Махает рукой.) Само собой, разве как-нибудь... авось эдак перемелется. (Вздыхает.) О господи боже!

Из передней входит Шпундик. Мошкин оглядывается.

А, это ты, Филипп? Спасибо, что хоть ты не забываешь.

Шпундик (жмет ему руку). Бона! я разве ваш брат, столичная штука? (Помолчав.) Ну что, был?

Мошкин (поглядев на него). Нет, не был.

Шпундик. Гм, не был. Какая же причина?..

Мошкин. Господь его знает. Все извиняется - дескать, некогда...

Шпундик (сядась). Некогда! Ну, а что Марья Васильевна?

Мошкин. Маша не совсем здорова. Всю ночь не спала. Теперь отдыхает.

Шпундик (качая головой). Эка, подумаешь... (Вздыхнув.) Да, да, да.

Мошкин. Что ты подделываешь?

Шпундик. Хлопочу, брат, по делам все. А только, признаюсь тебе, Михаиле Иванович, как погляжу я на вашу братью, на петербургских- не-ет, с вами беда! Подальше от вас. Нет, вы, господа, ой-ой-ой!

Мошкин (не глядя на него). Да почему же ты... так?., здесь тоже есть хорошие люди.

Шпундик. Я не спорю, может быть... а только с вами держи ухо востро... (Помолчав.) Так не был Петр Ильич?

Мошкин (вдруг оборачиваясь к нему). Филипп, что мне перед тобой скрывать? Ты видишь во мне совершенно убитого человека.

Шпундик. Помилуй бог!

Мошкин. Совершенно, совершенно убитого человека. И как неожиданно! Ты помнишь, Филипп, когда ты приехал, всего две недели назад... помнишь, как я тебя встретил, какие планы составлял, помнишь? а теперь... теперь все это рухнуло, брат, все это провалилось сквозь землю, в самую преисподнюю- ко дну, брат, все пошло, и я сижу как дурак, думаю и ничего не придумую.

Шпундик. Да ты, может быть, преувеличиваешь, Миша...

Мошкин. Какое преувеличиваю! Ведь ты почти каждый день здесь бываешь, ты можешь сам рассудить. Ну, положим, после того обеда, помнишь, что-нибудь ему не понравилось, он не ходил - ну, повздорил, так что-нибудь; положим. Я к нему отправился, объяснился с ним; ну, привел его сюда; Маша поплакала, простила его... хорошо. Ну, стало быть, все ладно,

не так ли? Правду сказать, он недолго у нас тогда посидел - совестно ему было, что ли... только он опять ее уверял, эдак, знаешь, как следует: все, дескать, по-прежнему остается - ну, словом, как жених. Хорошо. На другой день приезжает, и гостинчик еще привез; повертелся с минутку глядь... уж и уехал. Говорит: дела. На следующий день не был вовсе... потом опять приехал, посидел всего с час и почти все время молчал. Я, знаешь, о свадьбе, дескать, то есть, как и когда... пора, мол; он: да, да - и только; да вот с тех пор опять и пропал. Дома его никогда застать нельзя, на записки не отвечает. Ну, сам скажи, Филипп, что ж это значит? Ведь это наконец слишком ясно! Он, значит, отказывается. А? Он отказывается! Вообрази же ты себе теперь, в каком я положении! Ведь ответственность, можно сказать, вся на мне лежит: я ведь эту кашу заварил... а она, конечно, сирота круглая; за нее некому заступиться. Да и как мог я подумать, что Петруша... (Останавливается.)

Шпундик (с глубокомысленным видом). А знаешь ли, что я тебе скажу, Михайло Иванович?

Мошкин. А что?

Шпундик. Не зашалил ли уж он как-нибудь? Фосс-паркэ, как говорится. Ведь Петербург на это - город, чай, не последний.

Мошкин (помолчав). Нет, это не то. Не такой он человек, да и не так бы он поступал.

Шпундик. А может быть, ему какая-нибудь другая девица пригляделась? Приятель его, этот важный-то, может быть, его познакомил с какой-нибудь этакой особой...

Мошкин. Это скорее. А впрочем, нет, все не то. В нем какая-то перемена вдруг произошла; я просто понять его не могу, словно кто его подменил. И глядит-то он на

меня не так, и смеется не так, и говорит иначе, а Машу просто избегает. Ах, Филипп, Филипп! тяжело мне, вот как тяжело! Ведь что ужасно, Филипп: подумаешь, давно ли?.., а теперь... И отчего же это? как это, как могло?..

Шпундик. Да, да, Миша, оно точно... того... не легко, как говорится. Только все-таки, мне кажется, ты напрасно уж так падаешь духом...

Мошкин. Эх, Филипп, Филипп, ведь ты не знаешь... ведь я его как сына любил! Ведь я с ним все делил - все до последнего. И ведь что меня сокрушает: хоть бы он сердился, знаешь - легче было бы мне: скорее бы я надеялся; а то просто равнодушие оказывает, сожаление даже... Вот что убивственно, Филипп. Ведь вот он и нейдет, и не придет, и завтра не придет, и мне словно уж и странно думать, что он будто может прийти к нам.

Шпундик. Да, брат, да; недаром говорится в стихах: "Так на свете все превратно". Да.

Мошкин. Просто хоть ложись да умирай...

Входит Пряжкина.

А! Катерина Савишна! Ну, что? Пряжкина. Ничего-с, Михаиле Иваныч, ничего-с; не извольте беспокоиться.

Шпундик ей кланяется.

Здравствуйте, Филипп Егорыч.

Шпундик. Наше вам почтение, Катерина Савишна. Как вы в своем здоровье?

Пряжкина. Слава богу, батюшка, слава богу. Как вы?

Шпундик. Я тоже слава богу. А Марья Васильевна как в своем здоровье?

Пряжкина. Теперь получше-с. А ночь совсем худо спала. (Вздыхая нараспев.) Эх-и-эх. (Мошкину.) А что ж самоварчик, батюшка, изволили приказать?

Мошкин. Приказал, как же, приказал... а он вам не принес? Стратилатка!

Стратилат входит с самоваром. Что это ты?

Стратилат. Только теперь закипел-с. (Несет самовар в комнату Маши.)

Шпундик (Пряжкиной). Вы, я воображаю, так и не отходите от Марьи Васильевны...

Пряжкина. Как же-с. Кому же об ней и заботиться? Сами извольте рассудить.

Шпундик. Вы, я уверен, примерная родственница.

Пряжкина. Много благодарна-с, Филипп Егорыч.

Мошкин. Ну, хорошо, хорошо.

Стратилат возвращается из комнаты Маши и подает Мошкину письмо.

От кого это?

Стратилат. Не могу знать-с.

Мошкин (взглянув на подпись). Петрушина рука.

Быстро распечатывает и читает. Шпундик и Пряжкина со вниманием глядят на него. Мошкин страшно бледнеет во время чтения и, окончив письмо, падает на кресло. Шпундик и Пряжкина хотят приблизиться к нему, но он тотчас вскакивает и говорит прерывающимся голосом.

Кто.. это... кто там... принес... кто... позови... Стратилат. Чего изволите-с?

Мошкин. Позови... кто принес... кто принес...

Делает знаки руками Шпундику и Пряжкиной, Стратилат выходит и тотчас возвращается с почтальоном. У почтальона на голове кивер.

Почтальон. Что вам угодно-с?

Мошкин. Вы, мой любезный... Вы принесли это письмо... от господина Вилицкого?

Почтальон. Никак нет-с... С почтой пришло-с. Частные письма нам строжайше запрещено носить.

Мошкин. Ах да, точно, извините... Я то есть думал... (Он совершенно растерялся.)

Шпундик (Мошкину). Успокойся. Стратилат, поди заплати ему.

Стратилат и почтальон выходят. Миша, опомнись...

Мошкин (вдруг останавливаясь). Все кончено, друзья мои! Все! Я пропал, Филипп, и мы все пропали. Все кончено.

Шпундик. Да что такое?

Мошкин (развертывая письмо). А вот, послушай. И вы тоже, Катерина Савишна, послушайте. Он отказывается, друзья мои, он решительно отказывается. Свадьбы уж не бывать, и вообще- все кончено, все провалилось, все, все совершенно! Вот, вот что он мне пишет.

Шпундик и Пряжкина становятся по бокам Мошкина.

"Любезный мой Михаиле Иванович, после долгой и продолжительной бо... борьбы с самим собою я чувствую, что я должен наконец объясниться с вами... откровенно (взглядывая на Шпундика)... откровенно. Поверьте, это решение стоит мне многого, очень многого. (Мошкин выговаривает многого, а не многова.) Я, видит бог, никак этого не мог предвидеть и желал бы избавить вас от подобной неприятности... Малейшее замедление было бы теперь непростительно... Я и так слишком долго колебался... Я не признаю себя способным составить счастье Марьи Васильевны и умоляю ее принять от меня обещание обратно". Обратно. (К Шпундику.) Вот посмотри - так, так и стоит. "Я не признаю себя", вот посмотри. "Обратно". Вот посмотри.

Шпундик глядит в письмо. Мошкин продолжает.

"Я не смею даже просить у нее извинения; чувствую, до какой степени я виноват перед ней и перед вами, и спешу объявить, что я не знаю девицы более достойной всякого уважения..." Слышите, слышите? "всякого уважения". Слышите? "Предвидя необходимость прекратить на некоторое время наши сношения, расстаюсь с вами с сокрушенным сердцем..." А? а? "Я не могу не сознаться, Михаиле Иванович, что вы имеете полное право считать меня неблагодарным (Мошкин качает головой)... я не стану уверять вас и вашу воспитанницу в моей преданности, в моем искреннем участии; подобные слова могут теперь по справедливости возбудить ваше негодование, и потому я умолкаю... Будьте оба счастливы..." Счастливы,

счастливы!.. Это он может говорить - он, он!.. (Мошкин закрывает лицо руками.)

Шпундик. Успокойся, Михайло Иванович; что ж делать? (Помолчав.) Ты, кажется, не дочитал...

М о ш к и н (отрывая руки от лица). Да это вздор! Это быть не может... Он наконец не имеет права... Вот еще! Я к нему сейчас отправлюсь... (Начинает быстро ходить по комнате.) Стратилатка! шапку мне подай! шубу! сейчас! извозчика мне - сию минуту!

Шпундик. Куда ты, Михайло Иванович, куда ты, помилуй!

Мошкин. Куда? к нему. Я ему покажу... я... я... А! ты, голубчик, так-то? Ну, хорошо. Ну, хорошо. К ответу я его потребую. К ответу!

Шпундик. Да каким образом ты его к ответу потребуешь?

Мошкин. Каким образом? Вот каким образом. Я ему скажу: милостивый государь, прошу отвечать мне без обиняков. Марья Васильевна вас чем-нибудь оскорбила? оскорбила она вас чем-нибудь, милостивый государь? Поведением ее, что ли, вы недовольны, милостивый государь?

Шпундик. Да он...

Мошкин. Нет, отвечайте мне, милостивый государь, отвечайте. Разве она не благовоспитанная девица, милостивый государь? Разве она не с правилами девица, а? а? (Наступает на Шпундика.)

Шпундик. Конечно, конечно; да ведь он тебе...

Мошкин. Как? Вы два года ездите к нам в дом, вас принимают как родного, делятся с вами последней копеечкой, отдают вам, наконец, по вашей неотступной

просьбе, такое сокровище - свадьба уже назначена, а вы... о-о-о!.. Нет, извините! Это не может так кончиться... Нет, нет... Шапку, Стратилатка!

Стратилат входит г.

Вы вдруг раздумали; взял перо - черк, черк, черк - да и воображаете, что отделались? Ан нет! Извините. Я вам покажу, милостивый государь, погодите: я вам не позволю насмехаться над нами. Еще в конце приписывает: "Долги я все мои сполна заплачу". Да я гроша от него не хочу! Шапку мне, что ж не подают?

Стратилат подает ему шапку, но он ее не берет и продолжает ходить.

Он это мог... Петруша, ты это... (С сердцем махая рукой.) Какой тут, к черту, Петруша! Меж нами все кончено, все! Вишь, он думает, что за Машу некому заступиться, так и того - расходился. Что, дескать, за беда! Возьму да откажу.

АН вот и ошибся... не на того наскочил, брат. Да я Даром что старик, я его на дуэль вызову!

Пряжкина (вскрикивая). Ах, батюшки мои!

Ш п у н ь д н к. Что ты, Миша, что ты, что ты.

Мошкин. А что ж? Ты думаешь, я и не сумею из пистолета-то выпалить? Не хуже другого! Да что ж это, я шапку спрашиваю, спрашиваю, двадцать четыре раза сряду шапку спрашиваю!

Стратилат. Да вот она-с... Я вам ее уже подавал-с.

Мошкин (вырывая у него шапку). Ну, и ты туда же. Шубу мне!

Стратилат бежит за шубой.

Я ему покажу, постой.

Шпундик. Миша, да погоди, вмешали голосу рассудка.

Мошкин. Убирайся ты с своим голосом и с своим рассудком!.. Человек, ты видишь, в отчаянии, просто остервенился, а ты ему рассудок суешь... Пропадай все заодно! (Надевая шубу.) А не то я на колена брошусь перед ним: не встану, скажу, просто на месте умру, пока ты не возвратишь нам своего слова... Сжался, скажу, над несчастной сиротой; за что, скажу, за что зарезал? помилуй! А вы, друзья мои, побудьте здесь - побудьте здесь, отцы мои родные! Я вернусь, я скоро вернусь, так или сяк, а уж вернусь... Только, ради бога, чтоб Маша не узнала как-нибудь без меня, ради бога! А я сейчас, сейчас, сейчас. Вы дождитесь меня.

Шпундик. Мы с удовольствием, только, право...

Мошкин. И не говори! Слушать ничего не хочу\ А я вернусь, я сейчас вернусь. Умру, а вернусь...

Убегает. Шпундик и Стратилат стоят в недоумении; Пряжкина, охая, садится. Стратилат, переглядываясь с Шпундиком, медленно уходит.

Пряжкина (охая, задыхаясь и складывая руки). Ах, батюшки мои! Ах, родные! О-ох! Согрешила я, окаянная! Чем это кончится, боже мой, боже мой милостивый! Ах, батюшки вы мои, голубчики вы мои! заступитесь за меня, сироту горемычную...

Шпундик (подходя к ней). Успокойтесь, Катерина Са-вишна, может, бог даст, все еще уладится как-нибудь.

Пряжкина. Ах, Филипп Егорыч, голубчик вы мой, пропала моя головушка! Какое уладится, где уж тут? Вишь, какая бедастряслась! Вот до чего пришлось дожить! Господи Иисусе Христе, помилуй меня, грешную...

Шпундик (сядаясь подле нее). Успокойтесь, право успокойтесь. Этак вы себе повредить можете.

Пряжкина (сморкаясь и приходя немного в себя, плаксивым голосом). Ах, Филипп Егорыч, да вы войдите в мое положение... Ведь Маша-то мне родная племянница, Филипп

Егорыч. Каково же мне это переносить - вы это представьте. Ну и Михаиле Иваныч, каково это мне? Ведь с ним бог знает что могут сделать; каково ж это все?

Шпундик. Конечно, это все очень неприятно.

Пряжкина (тем же плаксивым голосом). Ах, Филипп Егорыч! Уж хуже этого быть ничего не может, Филипп Егорыч! голубчик вы мой! И ведь вот что я должна сказать: ведь я это все предвидела... все предвидела!

Шпундик. Неужели?

Пряжкина (все тем же голосом). Ка-ак же, ка-ак же! Да меня не слушались; не слушались, батюшка вы мой, Филипп Егорыч. А я всегда говорила: не быть в этой свадьбе проку, ох, не быть проку, ох, не быть... Только меня не слушались.

Шпундик. Отчего же вас не хотели слушать?

Пряжкина (мгновенно переменяя голос). А господь ведает отчего, Филипп Егорыч. Стало быть, думали человек старей-с, все небойсь пустяки говорит-с. А я вам скажу, Филипп Егорыч, конечно, я человек простой, не из самого первого общества; что говорить! а только муж у меня, царство ему небесное! до штаб-офицерского чина дослужился, в про-виантах, батюшка, состоял; мы тоже, батюшка, с хорошими людьми водились - от чужих всякое уважение получали; а свои вот в грош меня теперь не ставят. Генеральша Бон-доидина нас к себе принимала, Филипп Егорыч, и в особенности меня очень, можно сказать, жаловала. Бывало, я одна с ней эдак сижу в ее спальне, а она мне говорит: удивляюсь, мол, вам, говорит, Катерина Савишна, какой у вас во всем скус. А Бондоидина, генеральша, с первыми господами зналась. Я, говорит, с вами очень приятно время провожу. И чаю мне подать велит - ей-богу-с. Что мне лгать? А родная вот племянница меня слушать не хочет! Зато теперь вот и плачется. Да уж поздно.

Шпундик. Ну, может быть, еще не поздно.

Пряжкина. Как не поздно, Филипп Егорыч. Помилуйте! что вы это говорите? Разумеется, поздно. Этого уж нельзя вернуть, извините. Уж это кончено. Что вы? помилуйте!

Шпундик. Может быть, может быть. Но, Катерина Савишна, скажите мне на милость - я вижу, вы женщина рассудительная, - отчего это молодые люди нашего брата старика никогда слушаться не хотят? Ведь мы им же добра желаем. Отчего бы это, а?

Пряжкина. А по причине ветрености, Филипп Егорыч. Бондоидина, генеральша, мне не раз об этом говорила. Ох, бывало, говорит, Катерина Савишна, как погляжу я на нынешнюю молодежь - ну! просто руки растопыришь, и только! Ведь я что моей племяннице говорила: "Не выйдешь ты за него замуж, я ей говорила: вишь, он какой бойкий, да

и человек он такой опасливый; не туда глядит... ох, не туда!" А она мне: "Тетенька, оставьте". Ну, как хочешь, голубушка моя. Вот тебе и оставьте! Ведь и у меня была дочка, Филипп Егорыч. Как же, как же! И красавица же была; таких теперь что-то уж не видать, батюшка вы мой, право слово, не видать. Брови, нос - просто удивленья; а уж глаза... и сказать нельзя, что за глаза такие были. С лукошко, батюшка! Так вот, бывало, она и мечет ими, так вот и мечет, так вог и мечет. Что ж, ведь я ее замуж выдала; и так, батюшка, хорошо выдала, за хорошего человека, за ахтихтехтора. Ну, вином он точно зашибал, да за кем не водится греха? Вот я посмотрю, как Михаиле Иваныч Машу-то теперь пристроит? Насидится она в девках, мать моя!

Шпундик. Ну, и ваша дочь довольна своим мужем, счастлива?

Пряжкина. Ох, Филипп Егорыч, не говорите мне об ней! Она в прошлом году умерла, мой батюшка; да я уж и перед смертью года за три от нее отступилась.

Шпундик. За что же это?

Пряжкина. Да, батюшка мой, неуважительная такая была: за пьяницу, говорит, мать выдала меня; говорит, не за-работывает мой муж ничего, да еще бранится... Ведь вот, право, как тут угодить прикажешь? Велика беда: человек пьет! Какой же мужчина не пьет? Мой покойник, бывало, иногда так, с позволения сказать, нахлещется, что ахти мне- и я его все-таки уважала. Денег у них не было; конечно, это неприятно; но бедность не порок. А что он ее бранил, так, стало быть, она заслуживала; а по моему простому

разумению, ведь муж - глава: кто ж ему учить не велит, Филипп Егорыч, посудите сами. А жена разве на то жена, чтоб великатиться?

Шпундик. Я с вами согласен.

Пряжкина. Но я ее простила: она уж умерла... Что ж? Царство ей небесное! Теперь она сама, чай, раскаивается. Бог с ней! А я человек незлобивый. Куда мне! Нет, батюшка; мне только век-то свой дожить как-нибудь.

Шпундик. Что вы такое говорите, Катерина Савишна!.. Вы еще не так стары...

Пряжкина. И-и-и, помилуйте, батюшка! Конечно, Бондоидина, генеральша, мне ровесница была, а уж на лицо гораздо постарше казалась. Даже мне удивлялась. (Прислушиваясь.) Ахти, кажись, Маша... нет. Нет; это ничего. Это у меня в ушах шумит. У меня всегда перед обедом в ушах шумит, Филипп Егорыч, а не то вдруг под ложечку подопрет, так подопрет, даже дух захватит. Отчего бы это, батюшка? Мне одна знакомая лекарка советует конопляным маслом на ночь живот растирать, как вы думаете? А лекарка она хорошая, даром что арапка. Черна, представьте, как голенище, а рука прелегкая-легкая...

Шпундик. Отчего же? Попробуйте. Иногда, знаете, средства, так сказать, простые удивительно помогают. Я вот своих ближних лечу. Вдруг эдак знаете, в голову придет: сем, попробую, например, это средство. И что ж? глядишь, помогло. Я старосту своего от водяной дегтем вылечил: мажь, говорю, и только. И вылечил, вообразите вы себе!

Пряжкина. Да, да, да; это бывает-с, а все бог, все бог. Во всем его святая воля.

Шпундик. Ну, конечно, я воображаю, здесь доктора, все первые ученые, немцы самые лучшие. А мы, степнячки, в глуши, так сказать, прозябаем; нам за докторами не посылать-стать: мы по простоте живем, конечно.

Пряжкина. Да оно и лучше, по простоте-то, Филипп Егорыч; а в этих докторах, в этих ученых мало толку, батюшка вы мой. Вот не хуже Петра Ильича. А кто виноват? Сами мы виноваты. Ведь вот, например, хоть бы Михайло Иваныч: ну, скажите сами, разве ему след у себя чужую девицу воспитывать, разве след? Его дело, что ли, ее замуж выдавать? мужское это разве дело? Он ее облагодетельствовать хотел- ну, что ж, и дай бог ему здоровья, а не в свое дело все-таки не след ему было мешаться; ведь не след - скажите?

Шпундик. Оно, положим, не след, точно. Это дело женское. Да ведь не всегда оно и вашей-то сестре удастся. Вот у нас соседка есть, Перехрянцева, Олимпиада; три дочки у ней на руках, и все невестами побывали, а замуж хоть бы одна вышла. Последний жених даже ночью в трескучий мороз из дому бежал. Старуха Олимпиада, говорят, ему вся растрепе, из слухового окна кричала: "Постойте, постойте, позвольте объясниться", а он по сугробам - зайцем, зайцем, да и был таков.

Пряжкина. На грех, мастера нет, батюшка, Филипп Егорыч... Оно точно... А все-таки, коли бы меня послушались... У меня в предмете был человек, то есть я вам скажу, просто первый сорт - что в рот, то спасибо. (Целует концы своих пальцев.) Да-с! (Со вздохом.) Да что! Теперь все это в воду кануло. А пойду посмотрю-ка я на Машу... Что она делает? Чай, все еще спит, моя голубушка. Что-то она скажет, как проснется, как узнает!.. (Опять хнычет.) Ах, батюшки мои, батюшки мои! что с нами будет? Что ж это Михайло Иваныч не возвращается? уж не случилось ли что с ним? Не убили ли его? Уж пришибут его, моего голубчика!

Шпундик. Да помилуйте, хоть оно отсюда и близко, все-таки время нужно. Туда да назад, ну и у него ведь он посидит... надо ж объясниться.

Пряжкина. Да, да, батюшка, оно точно... а только мне сдается, ох, не к добру все это, ох, не к добру! Изуродует он-его, Филипп Егорыч, просто изуродует.

Шпундик. Э, полноте!

Пряжкина. Ну, вот увидите... Я никогда не ошибаюсь, батюшка вы мой... я, поверьте, я уж знаю... Вы не глядите на него, на Петра Ильича-то, что он таким смиренным прикидывается... Первый разбойник!

Шпундик. Да нет...

Пряжкина. Да уж поверьте же мне. Просто избьет его, в кровь избьет.

Шпундик. Какая же вы, матушка, странная... что мы, в разбойничьем вертепе, что ли, живем? Здесь не велено' драться никому. На то здесь власть. Что вы? перекреститесь!

Пряжкина. Просто скажет ему: "Да как ты меня беспокоить смеешь? Да пропадайте вы совсем с вашей Марьей Васильевной... Да с чего ты это, старый пес, взял?" Да в зубы его, в зубы.

Шпундик. Полноте! что вы? Как это можно, право?

Пряжкина. Так-таки в зубочки его и треснет; ох, треснет он его, моего родимого!

Шпундик. Эх, Катерина Савишна!

Пряжкина (начиная плакать). Треснет, Филипп Егорыч, треснет... Ванька-Каин эдакой...

Шпундик. А я вас еще за благоразумную женщину считал!

Пряжкина (рыдая). Ох, треснет, голубчик вы мой!.,

Шпундик (с досадой). Ну, положим, треснет.

Пряжкина (утирая слезы). И ништо ему, и ништо ему.

Шпундик (оглядываясь). Да вот и он сам!

Пряжкина оборачивается: из передней входит М о ш к и н в шапке и шубе Он медленно идет до середины сцены, уронив руки и неподвижно уставив глаза на пол Стратилат идет за ним.

Пряжкина и Шпундик (вскакивая вместе). Ну, что? Ну, что?

Мошкин (не глядя на них). Съехал!

Шпундик. Съехал?

Мошкин. Да, съехал и не велел сказывать, куда... го есть мне не велел сказывать; недаром шельма дворник смеялся... Да я узнаю, завтра, сегодня же узнаю; в департаменте узнаю. Он от меня не отделается... нет, нет, нет!

Шпундик. Да сними же шубу, Михайло Иваныч...

Мошкин (сбрасывая шапку на пол). Возьмите, возьмите все, что хотите. На что мне это все?

Стратилат стаскивает с него шубу.

К чему? Все едино! Тащите все, берите все. (Садится на крес-ло и закрывает лицо руками.)

Стратилат поднимает шапку с пола и уходит с шубой.

Шпундик. Да расскажи нам по крайней мере...

Мошкин (вдруг поднимая голову). Что тут еще расска-(ывать? "Приехал, спрашиваю: дома?" - "Никак нет-с; вы-:хал".-"Куда?" -"Неизвестно". Ну, что ж тут еще рас-жазывать? Дело ясно. Просто всему конец, вот и все. А дав-ю ли, кажется, мы с ним искали квартиру для... Его, вишь, гесна была. Ну, а теперь, разумеется, мне остается только эдно: взять да удавиться, больше ничего.

Шпундик. Что ты, что ты это, Миша? Господь с тобой!

М о ш к и н. А что? (Вскакивая.) Хотел бы я тебя видеть на моем месте! Что ж мне теперь делать, боже мой, что мне геперь делать? Как я Маше на глаза покажусь?

Пряжкина. То-то вот и есть, батюшка мой Михайло -Иваныч, не хотели вы меня послушаться...

Мошкин. Эх, Катерина Савишна! надоели вы мне пуще горькой редьки... Не до вас теперь, матушка... Что Маша делает?

Пряжкина (с глубоким чувством оскорбленного достоинства). Почивает-с.

Мошкин. Вы меня извините, пожалуйста... Видите, в каком я положении... Притом же вы сами всегда были на стороне этого... этого человека, Петра Ильича то

есть... (Кладет руку на плечо Шпуньдику.) Да, брат Шпуньдик, получил я удар, получил, брат... прямо в сердце, брат... да. (Останавливается.) Однако, между прочим, надобно ж на что-нибудь решиться. (Подумав.) Поеду в департамент. Узнаю адрес.

Да, да

Шпуньдик (убедительным голосом). Друг мой, Ми-хайло Иваныч, позволь мне тебе сказать слово, как говорится, от избытка уст. Позволь, Миша. Иногда, знаешь, совет эдак... Позволь.

Мошки н. Ну, говори, что такое?

Шпуньдик. Послушайся меня, Миша: не езд. Не езд, послушайся меня: Брось. Хуже будет. Отказался - ну, делать нечего. Этого поправить нельзя, Миша, никак нельзя. Просто нет никакой возможности это поправить. Поверь мне. Вот и почтенная Катерина Савишна тебе то же самое скажет. Только напрасно осрамишься. Больше ничего.

Мошки н. Тебе легко говорить!

Шпуньдик. Нет, ты этого не говори. Я тоже чувствую, Миша, как оно... того... горько. Но благоразумие - вот что. Надо тоже подумать: что из этого выйдет? Вот на что следует, как говорится, внимание обратить. Ибо кому от этого хуже будет? Тебе, во-первых, и Марье Васильевне тоже. (Пряжки-ной.) Не правда ли? (Пряжкина кивает головой) Ну, вот видишь. Право, брось. Будто, кроме его, женихов на свете нет? А Марья Васильевна девица благоразумная.

Мошкин. Эх, как это вы, право, толкуете-толкуете, а у меня голова кругом идет, словно кто меня через лоб по затылку дубиной съездил. Женихи найдутся... да, как бы не так! Ведь дело было гласное, свадьба на носу торчала; ведь тут честь запятнана, честь страдает. Вы это поймите. Да и Маша захочет ли за другого выйти? Вам легко говорить. А мне-то какво? Ведь она моя воспитанница, сирота; ведь я богу за нее отвечаю!

Шпуньдик. Да ведь уж дела поправить нельзя; ведь он отказался. Только себя, значит, мучить...

Мошкин. А я его пугну.

Шпуньдик. Эх, Михайло Иваныч, не нам с тобой пугать людей. Право, брось. Просто выкинь из головы.

Мошкин. Оно, ты думаешь, легко? Если б ты вот эдак, тоже два года, каждый день... Да что тут толковать! Удавлюсь- и больше ничего.

Шпуньдик. Ну зачем это говорить, Миша? Как не стыдно? В твои лета...

Мошкин. В мои лета?

Шпуньдик. Полно, брат, право полно. Это нехорошо, Полно. Опомнись. Плюнь, Пряжкина. Плюньте, батюшка Михайло Иваныч!

Шпуньдик. Право, плюнь. Послушайся старого приятеля. Эй, плюнь!

Пряжкина. Эй, плюньте, Михайло Иваныч!

Мошкин (начиная ходить по комнате). Нет, это все не то. Это вы все не то толкуете. Мне с Машей нужно поговорить, вот что. Мне нужно ей объяснить... Пусть она решит. (Останавливаясь.) Это ведь ее дело наконец. Пойду скажу ей: я перед вами, Марья Васильевна, виноват. Я, мол, все это затеял, необдуманно поступил на старости лет. Извольте меня наказать как знаете. А коли, мол, сердцу вашему не терпится, я тотчас же к нему пойду, шиворот-навыворот его к вам притащу - вот и все. А вот, мол, Марья Васильевна, извольте теперь сообразить... (Ходит по комнате.)

Шпуньдик. Ну, это я, брат, одобрить тоже не могу. Это, брат, не девичье дело. Не правда ли, Катерина Савишна?

Пряжкина. Правда, ангелочик вы мой, Филипп Егорыч, правда.

Шпуньдик. Ну вот, видишь. Это, брат, ты все не то, не так... Ты послушай-ка лучше совет голоса благоразумия. Притом все еще может поправиться. Ты вспомни-ка лучше вот эти стишки: "Мила Хлоя, коль ужасно друга сердца потерять. Но печаль твоя напрасна; верь, не должно унывать".

Мошкин (продолжая ходить по комнате и рассуждать с самим собою). Да, да. Точно, это хорошая мысль. Это хорошо. Что она скажет, тому и быть. Да, да.

Шпундик. Ибо... (Останавливается и значительно взглядывает на Пряжку.) Ибо, повторяю тебе, это не де

вичье дело. Да она и не поймет тебя - как можно! Это бог знает что ты такое выдумал! Она просто заплачет; возьмет да заплачет; что ты тогда станешь делать?

Пряжкина (хныкая). Ох, Филипп Егорыч, не говорите такие слова. Хоть меня-то пощади, Филипп Егорыч. О-ох! Хоть старуху-то пожалей, голубчик ты мой.

Мошкин (не слушая их). Да, да. Решительно. Это так. (К Шпундику и Пряжкиной.) Ну, друзья мои, спасибо вам, что дождались меня... а теперь, знаете что? оставьте-ка меня одного эдак на полчаса; погода, вишь, хорошая: по преш-пехту, эдак знаете, прогуляйтесь немножко, друзья мои.

Шпундик. Да зачем же...

Мошкин (торопливо). Ну да, да, прощайте, прощайте... На полчаса, на полчаса.

Шпундик. Да куда же ты нас гонишь?

Мошкин. Куда хотите... (Шпундику.) Вот хоть в Милютинны лавки ее свези: там, брат, вы такие ананасы увидите, просто с солдатский кулак... Кстати же и манументы там стоят... (Слегка понукает их в спину.)

Шпундик. Да я все это уже видел.

Мошкин. Ну, еще раз посмотри... И вы тоже ступайте, Катерина Савишна, ступайте...

Пряжкина. А самоварчик-то, Михаиле Иваныч, самоварчик-то... Вишь, кипит...

Мошкин. Ну, ничего... Не пропадет ваш самоварчик... Прощайте...

Шпундик. Да, право же...

Мошкин. Филипп, ради бога... Вот твоя шапка...

Шпундик. Ну, как хочешь. Так через полчаса...

Мошкин. Да, да, через полчаса. Вот ваша шляпка, Катерина Савишна... Салоп, чай, в передней висит... Прощайте, прощайте... (Выпроваживает их, быстро возвращается на авансцену и вдруг останавливается.) Ну, теперь наступает решительная минута. Их я спровадил, теперь действовать надо... Что ж я ей скажу? Я ей скажу, что вот, мол, как, вот какое дело; что ж теперь нам делать, душа ты моя?.. Подготовлю ее как следует, а потом... ну, потом представлю письмо. А впрочем, тут же присовокуплю, что, дескать, это все еще можно как-нибудь устроить, надежду терять еще не нужно... (Помолчав.) Но вообще я буду осторожен... У, как осторожен!.. Тут политика нужна.. Ну, что ж? надо к ней войти. (Подходит к двери.) Боюсь, ей-богу боюсь... Сердце так и замирает... Чай, на себя не похож. (Быстро подходит к зеркалу.) Вона! вона лицо! вона как! (Взбивает щеткой волосы.) Хорош, брат, хорош, нечего сказать. Красив!.. Однако мешкать нечего. Фу! (Проводит рукой по лицу.) Вот положение! На сраженье, чай, не так жутко бывает... Да ну же, черт возьми! (Застегивается.) Главная беда - начать. (Под

ходит к двери.) Что, она спит? Не может быть. Мы все тут так шумели. Что, если она услышала?.. Тем лучше. Конечно, тем лучше. Да ну же, трус, ступай. А вот постой, я воды выпью немножко. (Возвращается к столу, наливает стакан и пьет.)

Из боковой двери выходит Маша.

Ну, теперь с богом! (Оборачивается и при виде Маши теряется совершенно.) Ах... это ты... это... это... как же это... ты...

Маша (с недоумением). Я, что с вами?

Мошкин (торопливо). Ничего, ничего. Я так. . Я не ожидал тебя... Мне сказали, что ты почиваешь.

Маша. Да, я все время спала... Вот теперь только встала.

М о ш к и н. А как ты себя чувствуешь?

Маша. Недурно. Голова немножко болит.

Мошкин. И не удивительно после эдакой ночи.
Маша садится.
Так ты лучше себя чувствуешь?.. Ну, слава богу. Сегодня погода хорошая...
Можно будет потом немножко в санках прокатиться... А? как ты думаешь?
Маша. Как хотите.
Мошкин. Нет, как ты хочешь... Разве я тебя когда принуждаю?.. Что тебе угодно, то и будет исполнено.
Маша. Вы такой добрый, Михаиле Иваныч.
Мошкин (подсаживаясь к ней). Вот еще, что выдумала!.. Какой я... то есть того, я точно... Ну, да все равно. А посмотри-ка на меня...
Она взглядывает на него.
Ах, Маша, Маша, ты опять плакала.
Маша отворачивается.
Я, понимаю, Маша, я все понимаю, а все-таки, право... Право, ты напрасно эдак...
Право, оно еще может... того... все... Конечно... (Он делает неопределенные движения руками.) Вот ты увидишь, право.
Маша. Да я, Михайло Иваныч, я ничего...
Мошкин. Какое ничего!.. Ты... нет. Ты... не ничего. Ты вот плачешь. А отчего? Какая то есть причина? Конечно, я не спорю, а все-таки... То есть, разумеется... А, впрочем, мы увидим... (Утирает лицо платком.) Что это дурак Стратилат-ка как здесь натопил!..
Маша. Вы напрасно беспокоитесь, Михайло Иваныч, право напрасно.
Мошкин. Да кто тебе сказал...
Маша. По крайней мере обо мне вам не из чего тревожиться... Поверьте (с горькой усмешкой), я совершенно покорилась своей участи.
Мошкин. То есть как, однако же, покорилась? Маша. Да. Я ни на что не надеюсь, Михаиле Иваныч, и ничего не желаю. Я не хочу больше себя обманывать. Я знаю: все кончено. Что ж? тем лучше, может быть. Мошкин. Да нет... почему же?..
Маша. Посмотрите-ка на меня вы теперь в свою очередь. Мошкин. А что ж? разве?.. (Хочет взглянуть на нее и не может.)
Маша. Ах, Михаиле Иваныч! К чему еще притворяться? Какая из этого польза?.. Кого мы обманем?
Мошкин (помолчав). Ну, да... я согласен... ну, да, конечно. Конечно, я никак не мог ожидать такого поступка.
Маша (вдруг с большим волнением). Что вы хотите сказать?
Мошкин (конфузаясь). Я... я... то есть... я... Маша. Вы были у него сегодня опять?
Мошкин. Я... да .. точно... да, я был. Маша (быстро). Ну, и что ж? Мошкин. Я его дома не застал.
Маша. Так что ж вы говорите... чего вы не могли ожидать?
Мошкин. Он, конечно... Впрочем, ты сама... Он... он мне письмо написал.
Маша (быстро). Письмо?
Мошкин (с принужденной улыбкой). Да, письмо... Эдак, ты знаешь... Впрочем, оно... то есть нельзя сказать, чтоб... вообще...
Маша. Где оно? Мошкин. Оно... у меня...
Маша. Дайте мне это письмо... ради бога, ради бога. Михаиле Иваныч, дайте мне это письмо.
Мошкин. Право, я не знаю, Маша... Мне по-настоящему не следовало сказывать... Я, эдак немножко, потерялся... Маша. Дайте, дайте, дайте!..
Мошкин (ища у себя в карманах). Я не знаю, право, куда я его дел... Право, Маша, ты напрасно эдак... Ты теперь в таком волнении...
Маша. Я совершенно спокойна... но это письмо... Мошкин (с отчаянием). Да я же не могу... Господи боже мой! Мне нужно тебя приготовить. Я то есть собирался... А то

ты, пожалуй, эдак вообразишь... И как это яг право, вдруг так, с бухты-баряхты... Маша. Вы меня терзаете... Мошкин. Обещай мне по крайней мере...

Маша. Все, что хотите; только ради бога... вы видите.. Ради бога...

Мошкин. Маша, ты, пожалуйста, не подумай... Это ничего. Это так, знаешь, написано, как говорится, сгоряча. Это все еще ничего. Это все очень легко поправить. Чрезвычайно легко. То есть просто ничего не стоит.

Маша. Дайте же, ради бога, дайте...

Мошкин (медленно вынимая письмо из бокового кармана). Только, пожалуйста...

Маша вырывает у него письмо и с жадностью начинает читать. Мошкин встает, отходит немного в сторону и отворачивается. Маша кончает письмо, остается на мгновение неподвижной и вдруг с глухими рыданиями закрывает лицо руками Мошкин подбегает к ней.

Маша, Маша, ради бога. Я тебе говорил, это ничего. Маша, Маша! ради самого господа! Маша! (К самому себе) Эх, старая скотина, дурак безмозглый! а еще об осторожности толковал, о политике... Ну, где тебе, необразованному олуху, до политики! Взял да и сунул письмо сейчас. (Снова обращаясь к Маше.) Душа ты моя, успокойся, пожалуйста. Не плачь. Я за все ручаюсь. Я все улажу. Маша, ты меня убиваешь, я не могу видеть тебя в таком положении.

Она протягивает ему руку.

Не плачь, пожалуйста.

Маша (сквозь слезы). Извините меня, Михаиле Иваныч. Это сейчас пройдет. Это только в первую минуту. (Утирает глаза платком.)

Мошкин (опять подсаживается к ней и отбирает у ней письмо). Это ничего, Маша, это все ничего.

Маша. Если б я этого не ожидала, а то, вы сами знаете, я на все была готова. Конечно, это письмо, вдруг, после всех обещаний... но я и прежде не обманывалась... Желая ему всякого счастья... (Опять плачет.)

Мошкин. Яс ним поговорю, Маша...

Маша. Ни за что в свете, Михайло Иваныч! Он отказывается от меня - ну, и бог с ним. Я не хочу ему навязываться, Михайло Иваныч, я вас прошу, слышите, ни слова обо мне Петру Ильичу. Я сирота... У меня нет никакой опоры .. он обидел меня... Что ж? я ему прощаю; но не хочу ему навязываться. Слышите, Михайло Иваныч, ни слова, ни одного слова, если вы меня любите...

Мошкин. У тебя нет никакой опоры, Маша; а я-то что? Разве я не люблю тебя пуще родной дочери? Ведь что меня убивает? Меня убивает, так сказать, та мысль, что, в сущности-то, я, я один всему причиной, я все дело затеял. Он меня зарезал, спора нет, он меня просто надул, да что ж? нам от этого все так и бросить, поклониться ему, да и прочь отойти?

Нет, это невозможно, воля твоя. Притом, может быть, он сам еще опомнится. Привел же я тебе его тогда.

Маша. И совершенно напрасно. Какая вышла польза?

Вы сами видите.

Мошкин. Да помилуй, однако, Маша, что ж мне было другого делать? Посуди. Стань тоже на мое место. Давно ли, кажется, все так прекрасно шло?... Ведь если б ты сама не захотела отсрочить - ведь об эту пору ты бы уже была замужем. Как же ты хочешь, чтоб я эдак, разом, от всего отказался? Да это просто сон, какое-то наваждение, туман какой-то! Вот посмотри, мы вдруг с тобой проснемся; глядь, ан все по-старому. Как это от тебя отказаться, помилуй, скажи сама? Чем, ну скажи, чем ты не берешь?

Маша (уныло). Вы слишком добры, Михаиле Иваныч; вы меня любите, так вам все во мне и нравится. А он... Нет, ему не то нужно. Сначала я его точно забавляла, а потом... Я уже давно все это замечала, Михаиле Иваныч; но я вам этого не сказывала, потому что боялась вас огорчить. Видите вы, какие у него приятели... Где нам с вами!..

Для него мы слишком просты, Михаиле Иванович. Для него мы низки. Он нами гнушается, просто...

М о ш к и н. Гнушается! А деньги у меня он не гнушался брать? Вишь, у него немец приятель, так вот он и зазнался! Нет, брат, не на того наскочил...

Маша. К чему все это, Михаиле Иванович? к чему? Прошедшего нам с вами не воротить...

Мошкин. Да ведь, Маша, помилуй, вспомни, что скажут, Маша, что скажут...

Маша. Что же делать, Михаиле Иванович?

Мошкин. Что делать? Об этом-то вот я и думаю.

Маша (помолчав немного). А только, конечно... мне у вас больше жить нельзя.

Мошкин. Что-о?..

Маша. Я должна съехать от вас, Михаиле Иванович.

Мошкин. Это зачем? Это что такое? Уж не тетка ли твоя тебе это натолковала?

Маша. Тетенька мне точно об этом говорила; впрочем, я и без того... Поверьте, Михаиле Иванович, сердце у меня обливается кровью при одной мысли расстаться с вами...

Мошкин. Да ты лучше зараз прикажи мне из окошка выпрыгнуть! Помилуй, Маша, что ты, в своем ли ты уме? Да и куда ты пойдешь, помилуй, скажи!.. Ах, она старая чертовка! Да она меня, я вижу, просто убить собирается. За что ж это ты, Маша, ты-то за что меня погубить хочешь? Помилуй, помилуй!.. Что ты это?

Маша. Михаиле Иванович, выслушайте меня хладнокровно, и вы согласитесь со мной.

Мошкин. Ни за что, матушка, не соглашусь, ни за что! Маша. Послушайте. Вы меня к себе взяли после матушки, после покойницы; вы одни заботились обо мне; вот, наконец, с Петром Ильичей вы меня познакомили; потом вот все это случилось: он посватался, а теперь отказался... Какое же мое положение, Михаиле Иванович? Что ж вы хотите, чтоб обо мне подумали?..

Мошкин. Как что подумали?

Маша (поспешно). Ведь я все-таки вам чужая, Михайло Иванович. Все скажут: он отказался, ну, что ж такое? Она ведь воспитанница, приемыш; даром хлеб ест. Ее взяли, а теперь вот бросили - что ж из этого? Вот велика важность! И за то уже спасибо, что позанялись ей. Поделом ей! Кто за нее отвечает? Жила бы у своих родственников - с ней бы этого не случилось. Даровой хлеб, знать, вкусен. А работать ей, видно, не хочется? . Вы поймите, Михайло Иванович, мое положение. Я вас люблю больше, чем кого-нибудь на свете; но что же делать? До сих пор я еще могла жить у вас, а теперь... Мне теперь невозможно остаться; право, невозможно. За что же я буду презрение сносить, посудите сами? А я еще сумею кусок хлеба себе заработать...

Мошкин. Я ничего не понимаю, решительно ничего не понимаю, что ты мне такое говоришь? Какой кусок хлеба? и какое презрение? и кто посмеет? Христос с тобой, Маша!.. Кто за тебя отвечает? - Я за тебя отвечаю! Я никому не позволю над собой насмеяться. Я это всему свету докажу, молокососу этому докажу...

Маша. Полноте! что вы это?

Мошкин. Да вот посмотришь. Ты меня еще не знаешь. "Ты у меня живешь", да, Маша, перекрестись: ведь я старик, ведь я степенный человек, ведь все знают, что ты мне дочь... Помилуй, помилуй! Я тебя, ей-богу, не понимаю.

Маша. Нет, Михайло Иванович, вы меня понимаете...

Мошкин. Да полно же, Маша! неужели ты это не шутя говоришь?

Маша (вставая). Мне теперь не до шуток, Михайло Иванович.

Мошкин. И ты можешь меня оставить?

Маша. Я должна.

Мошкин. Да куда же ты пойдешь?

Маша. Куда-нибудь. Сперва я к тетке перееду, а там посмотрю: может быть, место где-нибудь найду.

Мошкин (складывая руки). Я с ума сойду, ей-богу с ума сойду. Ты к тетке переедешь?.. Да ты спроси прежде, где тетка-то сама живет? - У повивальной бабки в чулане за перегородкой, вместе с банными вениками, сушеными грибами да старыми юбками!

Маша (несколько обиженная). Я не боюсь бедности.

Мошкин (вскакивая). Да нет! это вздор! это вздор! Я не в состоянии буду это вынести. Как? И он, и ты, - и все, все разом... Докажи же мне хоть ты по крайней мере, что у тебя сердце доброе, не то что у него. Неужели вы все, молодые люди, нынче такие? Ты посуды: ведь я только для тебя и живу... Ведь твое отсутствие меня убьет... Маша, сжалась над бедным стариком... Что я тебе такое сделал?..

Маша. Михаиле Иваныч, да войдите же и вы в мое положение... Я не могу, ей-богу не могу у вас остаться...

Мошкин. Тьфу вы, женщины! Сущее божеское наказание! Что раз вошло им в голову - ну, хоть тресни!.. Нет, Маша, я не могу позволить тебе уйти отсюда... Здесь твое гнездо, твой кров; здесь все твое и все для тебя - я не могу с тобой расстаться... но я... Ну да; я готов, пожалуй, согласиться, что ты права; да, тебя должны все уважать, а я о своей стороны должен тебя защищать, как бы родную дочь защитил; это мое дело, потому что ты у меня живешь, потому что я за тебя отвечаю перед богом и перед людьми; а вследствие этого я тебе вот что скажусь ты теперь будь спокойна, - а я вот что намерен сделать: либо я все устрою по-прежнему, либо я его на дуэль вызову... Маша (с испугом). На дуэль?

Мошкин. Да, на дуэль. На шпадронах, на пистолетах - мне все равно.

Маша (задышающим голосом). Послушайте, Михайло Иваныч! Я вам говорю: если вы сейчас не откажетесь от своего намерения, я, ей-богу, в ваших же глазах... ну, я не знаю... я себя жизни лишу.

Мошкин (почти крича). Так что ж мне делать, боже мой, что ж мне делать? У меня ум теряется... (Вдруг останавливается.) Послушай, Маша... Да нет! я совсем с панталыка сбился... ну, да все равно. Слушай. Ты хочешь, чтоб тебя уважали, не правда ли? Ты хочешь, чтоб никто не смел даже подумать что-нибудь нехорошее на твой счет; тебе твое теперешнее положение в тягость - а? не правда ли?.. Ну, так слушай же - только, ради бога, не считай меня за безумного... Вот, видишь ли... я... ты останешься здесь... и никто... понимаешь?.. уж совершенно никто не будет сметь - ну, словом сказать, хочешь ты за меня замуж выйти?

Маша (с невыразимым удивлением). Михайло Иваныч... Мошкин (необыкновенно быстро). Не перерывай меня... я сам не знаю, как эта мысль мне в голову пришла, но я должен ее высказать. Средство, я согласен, отчаянное, да и положение-то наше каково?.. Если б я надеялся на возвращение Петруши...

Маша делает движение рукой.

Ну, вот видишь, видишь... Позволь же мне по крайней мере объясниться, а то ты меня точно вправе за сумасшедшего счесть или даже... Нет! ты же можешь подумать, что я в состоянии тебя оскорбить... Маша. Нет... но...

Мошкин. Ты сама виновата... Вольно ж тебе было пугнуть меня своим отъездом... Да и все, что ты мне натолковала о презрении там, о куске хлеба и прочее, - все это мне голову вскружило. Ведь из чего я бьюсь, Маша? Чего мне хочется? Мне хочется, чтоб тебя все уважали, как королеву; мне хочется доказать всем, всем, что руку твою получить - да это верх степени благополучия!.. Один дурак, мальчишка, отказался - от своего счастья отказался; а вот я, человек степенный, безукоризненный, как говорится, чиновник, и перед тобой на коленях; дескать, Марья Васильевна, удостойте. Вот что мне хочется всему миру доказать - ему тоже, Петру Ильичу то есть. Вот что пойми... Ради бога, не вздумай ты... Маша. Михайло Иваныч...

Мошкин. Постой, постой, я знаю, я все знаю, что ты мне хочешь возразить; но пойми меня. Какой я тебе муж - помилуй! об этом нечего и говорить... Но я чувствую точно, тебе нельзя жить у меня эдак, по-прежнему, а оставить меня ты не можешь. Я предлагаю тебе покой, тишину, уважение, приют - вот что я тебе предлагаю. Я человек честный, ты знаешь, Маша, ничем не замаранный; я буду тебя лелеять так же точно, как до сих пор лелеял. Отцом я тебе буду - вот что. А! тебя хотели бросить, обидеть: ты вот сирота беспомощная, приемыш; ты у чужих людей из милости на хлебах живешь - так нет же! Вот ты хозяйка, ты госпожа, ты барыня... а я... ширмы, понимаешь, ширмы, и больше ничего. Ну, что ты на это скажешь?

Маша. Я так удивлена, Михайло Иваныч... и так тронута... Как вы хотите, чтоб я теперь вам отвечала...

Мошкин. Да кто ж тебя принуждает, помилуй! Ты обсу-ди это дело на досуге. Ведь я это придумал для твоего спокойствия... Это твое дело. Ты только скажи мне сегодня, что ты остаешься у меня. Вот я и буду счастлив. Больше мне ничего не надо.

Маша. Но остаться у вас я ведь не могу, если... Я только тогда останусь... Я не могу вам ответить теперь.

Мошкин. Ну, как хочешь, как хочешь... Подумай...

Маша. Но, Михайло Иваныч, если б даже... имею ли я право располагать вами... за что же вы...

Мошкин. Вот тебе на! А на что ж я, по-твоему, нужен на сем свете? Скажи-ка, а? На что? Вот что выдумала! Да старому дураку, как я, такого счастья и сниться-то не следует! Господи боже мой! Вот еще что! Ты мне только одно те

перь скажи, что ты остаешься... а ответ ты мне дашь потом, когда вздумается и какой вздумается...

Маша (помолчав). Я в вашей власти.

Мошкин (с сердцем). Если ты мне еще раз это скажешь, я, как перед богом говорю, я сейчас пойду в кухню и стану сапоги Маланье чистить - слышишь? Ты в моей власти? Ах, господи боже мой!

Маша (глядит на него некоторое время; тронутым голосом). Я остаюсь, Михаиле Иваныч.

Мошкин. Остаешься! Душа ты моя! (Хочет ее обнять.) Нет, не смею, не смею, не смею...

Маша (обнимая его). Добрый, добрый мой Михаиле Иваныч... Да, вы меня любите, вы мне преданны... да, да, это так. Вы не обманете меня, вы не измените. Я на вас могу положиться. Только позвольте мне уйти теперь к себе... У меня голова кругом идет. Я к себе пойду.

Мошкин. Сделай одолжение, Маша.. Помилуй, как тебе угодно. Над тобой здесь наибольшего нет. Отдохни. Это главное. А остальное уладится как-нибудь. (Провожая ее до двери.) Так ты остаешься?

Маша. Остаюсь.

Мошкин. Ну, и слава богу, слава богу! Лишь бы ты была покойна и счастлива. А о прочем не беспокойся, ради бога... Говорят, в таких случаях следует спросить у возлюбленной то есть особы: могу ли я, дескать, надеяться? Но ты не бойся, я ничего у тебя не спрошу...

Маша (помолчав немного). Напрасно. Вы можете надеяться. (Подумав.) Вы можете надеяться (Быстро уходит.)

Мошкин (один). Что это она сказала? Вы можете надеяться? (Прыгает.) Стой, старый дурак! Что это ты расказался? Разве ты не понимаешь?... Но, господи боже мой! Кто бы мог это все предвидеть? Это просто такие чудеса, каких на свете никогда не бывало! Тот отказывается, Маша остается, я вот, по всей вероятности, женюсь... Я женюсь? В мои года, и на ком же? На совершенстве на каком-то, на ангеле... Да это сон, это бред; просто я в чаду хожу... в горячке; я в горячке. А? Петр Ильич? Вы думали нас

подкузьмить? Ан, нет же, вот! Шиш тебе, мой голубчик! (Оглядываясь и тихонько про себя.) То-то у меня и прежде сердце замирало, когда я ее сватал... (Махая рукой.) Молчи, молчи, старый, молчи! А только я задыхаюсь, ей-богу задыхаюсь... Пойду по улице немножко пробегаюсь...

Схватывает шапку и в дверях сталкивается с Шпундиком и Пряжкиной.

Шпундик (с недоумением). Куда это ты?

Мошкин. На воздух, Филипп, на воздух - немножко так пробежаться. Я сейчас вернусь...

Шпундик. Да что с тобой? Не случилось ли чего? Что Марья Васильевна?

Мошкин. Ничего, ничего... Вы ее не беспокойте... Она у себя в комнате... Все хорошо. (Шпундику.) Филипп, душа моя! дай себя обнять... Я сейчас... а вы не входите к ней... Все хорошо, все прекрасно... (Убегает.)

Шпундик (обращается в величайшем недоумении к Пряжкиной). Что это значит? Что это с ним такое случилось?

Пряжкина (задышающимся голосом и лоя рукой ручку кресел, словно падая в обморок). Ах... удар... удар... голубчик мой, помощи... удар...

Шпундик (поддерживая ее, с испугом). Что такое? что такое? С вами удар? (Кричит.) Стратилат, Стратилат, за доктором, скорей!

Пряжкина (замирая). Ах, батюшки... ах...

Шпундик (с отчаянием). Стратилат! Да где ж он? Стратилатка!

Стратилат (выбегая из передней). Чего изволите?

Шпундик. За доктором, скорей... Катерине Савишне дурно... Удар... вот...

Пряжкина (выпрямляясь и с достоинством отталкивая Шпундика). Перекрестись, отец мой. Что ты это? с ума спятил, что ли? Какой удар?

Шпундик (с изумлением). Да ведь вы сами...

Пряжкина (хныкая). Не со мной удар, а с ним, с моим голубчиком, с Михаилом Иванычем,- вот с кем удар.

Шпундик (с досадой). Тьфу ты, мать моя, как вы меня перепугали!.. (Стратилату.) Ступай.

Стратилат выходит.

(Пряжкиной.) Как вам не стыдно, право...

Пряжкина. Да как же, батюшка мой, али ты слеп? аль не видал? Ведь у него и личико-то все перекопилось, и губки тоже. Удар, батюшка, удар. Поверь мне. Вот на днях лекаря нашего также эдак хватило - пьяница, правда, был отъявленный, даже отек весь... Ну, совершенно вот одно лицо! Ах, я горемычная, на кого я теперь осталась!

Шпундик. Ну, опять пошла! Эх...

Мошкин вбегает из передней.

Ну, посмотри на милость сама, больной он, что ли? Эх ты, баба... (Мошкину.) Вообрази, Миша: Катерина Савишна уверяет, что с тобой удар приключился.

Мошкин. Что ж? В некотором смысле оно справедливо.

Я знаю, я знаю, вас должно удивить, что я эдак... Но вот постой, это все объяснится... со временем.

Шпундик. Да что с тобой, брат, скажи, пожалуйста... Ты вне себя.

М о ш к и н. Может быть. Еще бы!.. (Отводя Шпундика в сторону.) Филипп, знаешь, свадьба-то, может, еще будет.

Шпундик. Ой ли? Уладилось дело?

М о ш к и н. Уладилось, да не с тем. Шпундик. Как не с тем? с кем же?

М о ш к и н. А вот узнаешь, бог даст... Ну, обними же меня...

Шпундик. Изволь... только я, право...

Обнимаются.

Мошкин (тихонько). И поздравь меня.

Шпундик (с недоумением). Э-э?

Мошкин. А ведь ты, знать, предчувствовал, Филипп...

Шпундик. Предчувствовал? Что я предчувствовал?

Мошкин (не отвечая ему, Пряжкиной). И вы меня обнимите... (Обнимает ее.) Да не горюйте, полноте... Мы будем все счастливы... Посмотрите, как мы заживем... Филипп, когда ты едешь в деревню?

Шпундик. Да недели эдак через три... А что?

Мошкин. Ну, до того времени мы еще, может быть... Или нет! нет! как бы не сглазить...

Пряжкина. Да что такое, отец мой?

Мошкин. Не спрашивайте меня, друзья мои, а лучше обнимите-ка меня опять... (Обнимает их обоих.) Вот так. А Маша будет счастлива... В этом я клянусь перед богом! Слышите - вы свидетели. Она будет счастлива! Она будет счастлива!